

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Герои Талмуда — люди духа, великие мыслители, яркие творческие личности. Их главные жизненные свершения, история их судеб связаны с познанием Торы, ее осмыслением и толкованием. Их подлинную биографию составляют не внешние события личной или общественной жизни, но совершенные результаты их творчества. И действительно, почти вся талмудическая литература посвящена духовной истории ее героев.

И все же, особый характер талмудического творчества дает возможность как бы заглянуть через маленькие, приоткрытые для нас окна внутрь художественной, интеллектуальной традиции и сопутствующих обстоятельств и, сложив свидетельства об отдельных деталях и поступках, получить определенное представление о личностях, ставших героями Талмуда. По мере того, как наше знакомство приобретает более близкий и личный характер, мы открываем для себя полных жизни, многогранных людей, величие личности и дел которых вполне соответствует величии их творения.

Знакомство с образами и биографией героев Талмуда не может быть заменителем подлинной связи с ними — через изучение ими сказанного. Вместе с тем, такое знакомство с героями в их деятельности помогает нам продолжить глубинный путь Устной Торы. Мы можем представить себе, что мы как бы восседаем у ног живых Учителей и учим непосредственно с их слов.

Что касается издания книги на русском языке, то оно поможет нашим братьям в России вновь занять свое место в цепи поколений и в вечном "сегодня" нашей духовной жизни.

Адин Штейнзальц

ВВЕДЕНИЕ

Древние герои Талмуда не прославились на ратном поприще. Их биографии не изобилуют войнами и подвигами, судьбы не богаты внешними событиями. Герои Талмуда — герои особого рода. Это герои духа, чье величие запечатлелось в размышлениях и высказываниях. Крепости и дворцы, воздвигнутые ими, не заметны глазу.

На могиле мудреца не ставят надгробия, ибо лучшая память о нем — его учение. Так говорили сами мудрецы Устной Торы. Книги, написанные ими — Мишна и Талмуд, Тосефта, сборники галахических и агадических мидрашей — не повествуют о великих исторических событиях, мало говорят о судьбах авторов. Эти книги донесли до нас мысли, идеи, споры древних мудрецов Израиля. Но мы напрасно станем искать на страницах жизнеописания авторов. Даже об эпохальных событиях, чьими современниками им довелось быть, мудрецы упоминают лишь попутно.

Устной Торе свойственна устремленность к вечному, непреходящему миру идей. И в сиянии этого вечного тревожения нашего преходящего мира отступают в тень. Из сказанного, разумеется, не следует, что мудрецы игнорировали события современности или не ведали о прошлом своего народа, о судьбах предшественников. Вереница поколений, протянутая через тысячелетия, ни разу не прерывалась. Но размышления на злобу дня не были записаны, не были систематизированы, а если и были — то остались в архивах крупнейших йешив, от которых уцелели лишь разрозненные фрагменты. Поэтому не приходится удивляться, что лишь в последнем столетии увидели свет жизнеописания мудрецов Талмуда. Исследователи по крохам извлекли факты их биографии из бескрайнего моря талмудической литературы. Но несмотря на усилия ученых, нам до сих пор известно немного. Образы мудрецов, проступающие сквозь завесу незнания, наполовину скрыты от глаз.

Небольшая книга, предлагаемая вниманию читателей, не стремится дать полное жизнеописание мудрецов Талмуда. Она не претендует на систематическое изложение их взглядов. Это скорее беглый очерк, едва намечающий контур реальности. Эта реальность способна произвести неизгладимое впечатление на каждого, кто к ней прикоснется. Мудрецы Талмуда предстают со страниц книги не только мыслителями. Мы видим человеческий облик каждого мудреца, и ощущаем их живое присутствие в современности. И в этом наш взгляд на мудрецов Устной Торы подобен взгляду всех предшествовавших поколений еврейского народа.

ГІЛЕЛЬ СТАРШИЙ

Гилель, чье имя сопровождается почетным званием «старший» (на иврите также «мудрейший» — прим. пер.) удостоился своего титула, заседа в совете старейшин. Он занимал пост главы Сангедрина — *наси*. Богатую, многогранную личность Гилеля можно без преувеличения назвать одной из самых влиятельных в эпоху Второго Храма. Гилель происходил из Вавилонской диаспоры, отсюда одно из его наименований — Бавли, Гилель Вавилонский (1)*. Он прибыл в Страну Израиля ради изучения Торы, впоследствии вернулся обратно в Вавилонию, а затем

совершил алию (восхождение в Страну Израиля — прим. ред.) вторично. Происхождение его отличалось благородством — семья Гилеля принадлежала царскому дому Давида, хотя и не по прямой линии (2)*. Аристократическая родословная Гилеля сыграла впоследствии важную роль. За его потомками на протяжении многих поколений сохранялась роль народных вождей, чей авторитет, помимо прочего, подкреплялся происхождением. Порабощенный народ Израиля обретал в преемниках Гилеля, в чьих жилах текла кровь царя-помазанника, тень своего бывшего величия и независимости.

Однако основоположник династии мудрецов и вождей Израиля явился на землю предков отнюдь не в блеске царственного величия. Гилель прибыл из Вавилонии без гроша за душой. Дома он оставил богатого брата, не пожелав ничего заимствовать из его достатка (3)*. Обеспеченной жизни в родном краю Гилель предпочел нищету в стране Израиля. Чтобы заработать на кусок хлеба, ему пришлось стать дровосеком (4)*. Это нехитрое ремесло Гилель избрал, в частности, потому, что оно не поглощало всего времени, позволяя часть дня посвящать Торе. Дома учения (*бетей-мидраш*) ед. число — *бет-мидраш*) в те дни не были открыты для каждого. За вход в них взимали плату, которая, кстати, ограждала *бет-мидраш* и от нежелательных посетителей, что также входило в расчеты взимавших. Из своего жалкого заработка Гилель вынужден был откладывать последние гроши, чтобы вручить их привратнику дома учения.

Начальное образование Гилель, несомненно, получил в Вавилонии. Уже на родине он считался мудрецом, сведущим в Торе. В Иерусалиме Гилель обучался у двух выдающихся законоучителей своего поколения — Шмайи и Авталиона. Оба мудреца признали талант скромного ученика, но сомнительно, чтобы в ту пору многие последовали их примеру. Слава и почет пришли к Гилелю внезапно, вследствие редчайшего календарного совпадения. Канун Песаха выпал на субботу. То был первый случай подобного рода, и готового галахического решения не имелось. Виднейшие законоучители поколения колебались. Когда выяснилось, что Гилель — единственный мудрец, обладающий решимостью и достаточными знаниями, чтобы вынести нужное галахическое постановление, тогдашние руководители Сангедрина — члены знаменитого семейства Бней Бетейра — сделали беспрецедентный шаг. Они подали в отставку, чтобы на пост наси мог быть избран бедный дровосек из Вавилонии (5)*. Этот поступок Бней Бетейра еврейская история включила в свои анналы как образец истинного смирения. Кроме него известно лишь о двух случаях, когда люди добровольно отказывались от высокого положения в пользу более, на их взгляд, подготовленных и достойных претендентов (7)*. И все же стремительное возвышение Гилеля нельзя считать чудом. Избрание его наси скорее отражало сложившееся положение вещей. В созвездии выдающихся мудрецов эпохи звезда Гилеля уже давно сияла ярче других. Формальное избрание послужило лишь констатацией очевидного превосходства его личности. Правда, многое в этой истории все же остается неясным. Почти ничего не известно о положении Гилеля и о его учении в период, предшествующий избранию на пост наси.

Ничтожны наши сведения о других мудрецах этого и предшествующих поколений. В ту пору в *бет-мидраше* еще сильно было стремление к единству мнений, и потому важнейшие решения почти сплошь анонимны — они известны как постановления «мудрецов Израиля». Немногочисленные споры и расхождения выделяются на подобном фоне особенно рельефно. Но тем самым они лишь подчеркивают консенсус абсолютного большинства.

Крохи знаний о мудрецах той эпохи, которыми мы располагаем, все же позволяют сделать вывод, что Гилелю — даже если он не был первооткрывателем — принадлежит главная заслуга в прокладывании новых путей изучения Торы. Именно он сформулировал и развил правила галахической экзегетики, а в дальнейшем последовательно применял их при решении галахических проблем. Правда, подобными истолкованиями занимались и прежде. Однако успеху мешало отсутствие систематического подхода, логике недоставало универсализма. Эти недостатки исправил Гилель. Впервые сформулированные им правила, вопреки столетиями не утихавшим спорам об их истинности и применимости, в общих чертах сохранились до наших дней. Этими правилами мы пользуемся и сегодня, занимаясь галахическими исследованиями. «Семь правил», с которыми Гилель выступил перед Бней Бетейра (7)*, послужили основой для «Тринадцати правил истолкования Торы» в том виде, как их позже сформулировал рабби Ишмаэль (8)*. Можно без преувеличения сказать, что Гилелю удалось создать новую концепцию изучения Торы. Но как ни велика его заслуга, влияние Гилеля на общественную жизнь народа Израиля, в которой он вызвал целый ряд далеко идущих изменений, было еще заметнее. Как кажется, своей беспрецедентной не только в еврейской, но и во всемирной истории стабильности (должность наси сохранялась за потомками Гилеля свыше четырехсот лет!) основанная Гилелем династия обязана высочайшему

авторитету главы Сангедрина, который он снискал этому посту за время своего пребывания на нем.

Период главенства Гилеля в основном совпадает с царствованием Гордуса (Ирода). Это обстоятельство вряд ли облегчало задачу наси, подрывая его влияние на общественную жизнь страны. Царь постепенно переставал служить национальным интересам своего народа, пока окончательно не превратился во что-то вроде наместника чужой державы, с трудом выносимого населением. Одновременно Первосвященник унизил себя и свой пост, сделавшись заурядным религиозным функционером. В подобных обстоятельствах чрезвычайно укрепился авторитет наси. Благодаря избранию на этот пост Гилеля, глава Сангедрина постепенно приобрел первостепенное влияние во всех вопросах общественной жизни, по сути, став главой народа Израиля. Прошлое уже знало подобный прецедент — Гилель, как некогда Моше-рабейну, соединял авторитет мудреца и законоучителя, опирающегося на власть Торы, с прерогативами народного вождя. После Гилеля этого положения сумели добиться лишь его одаренный ученик и последователь Иоханан бен Закай (9)* и рабби Акива. Гилель был удостоен столь же удивительного долголетия, как Моше-рабейну. Он дожил до ста двадцати лет (10)*. Долголетие свидетельствует о широте сферы деятельности обоих мужей. И тот и другой, каждый в свою эпоху, были столпами, на которых зиждилось здание еврейства. Цепь еврейской традиции, протянутая через обе судьбы, приобрела новый облик. И ее влияние сказалось не только на современниках, но сохранилось и в последующих поколениях. Гилель занял настолько прочное положение в народном сознании, что ореол великого предка еще долго осеял преемников наси. Несомненно, некоторые из них сами были величайшими людьми своего времени. Но и они, как дерево из корня, черпали силу из славного происхождения.

Славу Гилелю принесло его безграничное человеколюбие. Каждый человек, согласно воззрениям Гилеля, уникален в своем человеческом предназначении, и потому его существование обладает абсолютной ценностью, не зависящей ни от чего внешнего. Эта концепция нашла лаконичное выражение в знаменитом изречении Гилеля: «Невистного тебе не делай ближнему» (11)*. В своем изречении Гилель негативно сформулировал заповедь Торы «Возлюби ближнего своего как самого себя» (Ваикра, 19:18). Смысл негативной формулировки в том, что уникальность человека требует от нас подходить к каждому с его собственной меркой. Не следует мерить ближнего той же меркой, какой мы мерим самих себя. Придя к такому убеждению, Гилель умел разговаривать с каждым на его языке — даже с иноверцами, считаясь с особенностями и слабостями любого человека.

Мудрецы так истолковали слова Торы «Открой ему руку твою и ссуди его по мере нужды его, в чем будет его нужда» (Дварим, 15:8) — ссуди ему «даже верхового коня, даже слугу, чтобы бежал впереди» (12)*. Рассказывают, что это правило Гилель соблюдал настолько педантично — не отказывая ближнему ни в лошади, ни в слуге, — что однажды, когда не нашлось кого послать в качестве глашатая, он сам бежал впереди всадника, ехавшего на одолженном у него же коне, предупреждая прохожих о приближении знатного господина. Этот поступок, помимо скромности Гилеля, иллюстрирует то, насколько высоко он ценил человеческое достоинство. Уважение окружающих, по мнению Гилеля, может оказаться необходимым какому-то человеку даже больше, чем хлеб насущный. Сам Гилель жил на медные деньги, отказывая себе во всем ради изучения Торы. Но это не мешало ему сознавать, что другие бывают устроены иначе. Смиранный и кроткий до такой степени, что за всю жизнь никому не удалось вывести его из себя (13)*, Гилель понимал: душевный покой человека, его духовное благополучие, иногда требуют, чтобы впереди бежал слуга, возглашающий, что некто — муж именитый и знатный — сейчас проедет по улице.

Воззрение Гилеля на уникальность и самоценность индивидуального человеческого бытия отражается в его подходе к галахическим вопросам. Этот подход в значительной мере унаследовали его ученики, мудрецы «Дома Гилеля». Подход к решению галахических проблем, характерный для школы Гилеля, не обязательно выражается в галахических постановлениях общего порядка. Отличие легче заметить, когда дело касается частных проблем. Школа Гилеля проявляет больше гибкости, готовности считаться с ситуацией. Для этой школы не характерно прямолинейное и непреклонное следование истине, она не игнорирует постоянно возникающие аномалии, искажения, человеческие странности, с которыми готова считаться.

Существует множество историй, свидетельствующих о необычайной кротости и терпимости Гилеля (14)*. Вместе с тем многие его высказывания и поступки окрашены мягким юмором. Гилель подмечал в людях, в их словах и делах смешное и трогательное. Чувство юмора позволяло ему не относиться к происходящему с чрезмерной серьезностью. Этим отчасти объясняется

терпимость Гилеля. Человек, взявшийся позлить его «на пари», выбрал час перед наступлением субботы, когда ни у кого нет времени на праздные разговоры. Однако Гилель разочаровал насмешника: он не только доброжелательно выслушал шутовские вопросы, но с мнимой серьезностью дал на них ответы, которые, несмотря на колкости и юмористический тон, содержат весьма здравую идею: люди способны приспособливаться к различным условиям существования. Более того: насмешнику, побившемуся об заклад, что сумеет разозлить Гилеля, наверняка не было известно о способности мудреца видеть людей насквозь. Гилель, конечно, разглядел истинную подоплеку вопросов. Он понимал, что цель спрашивающего — вывести его из равновесия. Своей невозмутимостью мудрец наносит досадившему гостю ощутимый моральный урон, и, несомненно, делает это намеренно. Скромность и праведность Гилеля покоятся отнюдь не на наивном простодушии. Мудрецу свойственна пронизательность, а порой и веселая ирония.

Трактат «Пиркей Авот» (15)* сохранил многочисленные изречения Гилеля. Эти изречения, каждое в своей сфере, образуют основы еврейского восприятия мира. Собранные вместе, они создают образ мудреца. О характере и взглядах Гилеля, об особенностях его сложной личности свидетельствует, с одной стороны, безоглядная преданность заповедям, запечатленная в историях о необычном поведении Гилеля в Храме (16)*, а с другой — широта взгляда, обнимающего целый мир — мир, в котором происходящее измеряется результатами, а изменчивость — неотъемлемое свойство самой реальности. Гилелю ведом итог, от него не скрыты наказание и награда, он понимает, к чему могут привести те или иные стремления и знает, где поставить ограничения и провести ограду. Все это — составные части целостного мировоззрения Гилеля. Человек, обладающий этими свойствами, не нуждается в том, чтобы постоянно держать их на виду, подчеркивать при каждом удобном случае. Они образуют фон той реальности, в которую он погружен — это ведь и его собственная реальность.

Жизненный путь Гилеля изобилует крутыми поворотами. Он происходил из семьи вавилонских Глав Изгнания, перебрался в Иерусалим, где прозябал в нищете, затем долгие годы возглавлял Сангедрин и умер признанным вождем Израиля, увенчанный званием паси. Превратности судьбы, смена мест жительства, колебания общественного положения выработали у Гилеля неоднозначное отношение к действительности. Его речь выдержана в высоком стиле, но изобилует народными притчами, житейскими историями и сравнениями, взятыми из окружающей жизни. Благодаря Гилелю вырос авторитет и укрепилось положение мудрецов Торы. Быстрый рост их влияния привел, по сути, к формированию новой аристократии. Но в то же время Гилель пытался шире распахнуть двери дома учения, сделав его доступным для простого народа. Он отменил плату за вход в *бет-мидраш*, раскрыл Книгу Книг перед детьми бедняков, из чьих сердец, по его мнению, явится Тора (17)*. Возвышенное благородство и открытость каждому, экстатическое стремление ввысь и способность понять любого — таким предстает перед нами образ Гилеля Старшего.

1. Сукка, 20А.

2. Ктубот, 62Б; а также Иерусалимский Талмуд, трактаты Таанит, гл.4:2 и Килаим, гл.9:3. Гилель не был отпрыском Давида по мужской линии.

3. Сога, 21А.

4. Иома, 35Б. О том, что Гилель был дровосеком см. также Рамбам, комментарий к Мишне, трактат Авот, гл.2:5.

5. Псахим, 66А; Иерусалимский Талмуд, там же, гл.6:1.

6. Бава Меция, 85А. Там упомянуты рабан Шимон бен Гамлиэль, Бней Бетейра, и Ионатан, сын царя Шауля. В Иерусалимском Талмуде — см. Псахим, гл.6:1 — вместо рабби Шимона бен Гамлиэля назван рабби Элизер бен Азария.

7. Тосефта Псахим, гл.7:11. Семь этих правил следующие: 1. *Каль ва-хомер*. Закон, сформулированный в Торе по поводу определенного случая, может быть распространен на другой случай, если тот дает еще большие основания для применения этого закона. 2. *Гзера шава*. Если в двух местах Торы встречаются одинаковые слова и выражения, то сказанное в одном отрывке имеет отношение и ко второму. 3. *Биньян ав*. Если закон встречается в нескольких местах Торы, но в одном из них он сформулирован более детально, то закон в его полной формулировке применим ко всем остальным случаям. 4. *Клаль у-фрат*. Если в тексте Торы закон сформулирован в общем виде, а затем встречается повторно применительно к частному случаю, то закон распространяется лишь на этот конкретный случай. 5. *Прат у-хлаль*. Если закон сначала сформулирован применительно к частному случаю, а затем дан в общем виде, то он применяется в общем виде. 6. *Бе-йоце бо ми-маком эхад*. Упоминание в Торе частного случая отдельно от общего

закона, под действие которого он подпадает, сообщает нечто новое не о самом частном случае, а об общем законе. 7. *Давар га-ламед ме-иньяно*. Область действия закона может быть выяснена из контекста или из заключительных слов отрывка, в котором этот закон содержится.

8. Рамбан, введение к «Торат Коганим».

9. Сукка, 28А.

10. Сифрей, Дварим, 257.

11. «История об одном чужеземце, который явился к Шамаю и сказал ему. «Обратишь меня в еврейскую веру, если изложишь всю Тору, покуда я стою на одной ноге». Шамай ударил его строительной линейкой, которую держал в руке. Тогда чужеземец пришел к Гилелю и тот обратил его. Сказал ему «Ненавистного тебе не делай ближнему, — в этом вся Тора целиком, остальное лишь истолкование, ступай же и учись.» (Шабат, 31А).

12. Ктубот, 67Б.

13. Шабат, 30Б. Вот как о долготерпении Гилеля рассказывается в трактате «Был такой случай-двое заспорили о том, возможно ли рассердить Гилеля.

— Уж я-то выведу его из терпения! — говорил один.

Побились об заклад на четыреста зуз (*мелкая монета — прим.ред.*). Случилось это в канун субботы. Гилель как раз собирался мыть голову. Тот человек пришел и стал выкрикивать подле дверей Гилеля:

— Кто здесь Гилель? А ну, кто здесь Гилель? Оделся Гилель и вышел к нему:

— Что тебе, сын мой?

— Хочу задать вопрос.

— Ну, так спрашивай, сын мой.

— Отчего у вавилонян длинные головы?

— Великий вопрос ты задал, сын мой! — сказал Гилель. — Оттого это, что нет у них хороших повивальных бабок. Ушел тот человек, но вскоре вернулся и снова стал кричать:

— Кто здесь Гилель? А ну, кто здесь Гилель? Гилель оделся и опять вышел к нему. Спросил:

— Что тебе угодно, сын мой?

— Хочу задать тебе один вопрос.

— Спрашивай сын мой, спрашивай.

— Отчего у жителей Тармода глаза воспаленные?

— Великий вопрос ты задал, сын мой! — сказал Гилель, — Оттого это, должно быть, что живут они в песках. Ушел тот человек, но через короткое время вернулся еще раз, крича:

— Кто здесь Гилель? А ну, кто здесь Гилель? Оделся Гилель и вновь вышел к нему.

— Что тебе угодно, сын мой?

— Хочу задать вопрос.

— Спрашивай сын мой, спрашивай. ,

— Отчего у африканцев ступни широкие?

— Великий вопрос ты задал, сын мой! — сказал Гилель. — В том, как видно, причина, что живут они среди топких болот.

— А у меня еще много вопросов есть, — сказал тот человек. — Задал бы их все, да боюсь, ты рассердишься. Гилель облачился в свои одеяния и уселся перед ним:

— Спрашивай обо всем, о чем пожелаешь.

— Ты — тот самый Гилель, которого называют носи Израиля?

— Да.

— Так пусть же не умножатся подобные тебе во Израиле!

— Почему, сын мой?

— Да потому, что из-за тебя я лишился четырех сотен зуз.

— Вот и будь впредь осмотрительней. И не раз четыреста зуз потеряешь, а рассердить Гилеля тебе все равно не удастся».

14. Шабат, 30Б; Ктубот, 87Б; Бейца, 20А (см. также Раши там же); Шабат, 17А (и Раши там же); Сота, 48Б; Ваикра Раба, 81:5 и др.

15. Пиркей Авот, гл.112-14, гл.2 4-7

16. Рассказывали о Гилеле Старшем, что во время праздника Водочерпания он говорил «Если Я здесь — все здесь, а если Я не здесь — кто здесь?» Он говорил «В место, которое Я люблю — туда ноги мои ведут меня Если ты придешь в мой дом — Я приду в твой дом. Если ты не придешь в мой дом — Я не приду в твой дом, как сказано «Во всяком месте, где упомяну имя Мое — приду к тебе и благословлю тебя» (Сукка, 53А)

17. Недарим, 81А (не от лица Гилеля).

ШАМАЙ СТАРШИЙ

Своим прозвищем «Старший» Шамай обязан не возрасту, а положению — подобно Гилелю и другим выдающимся мудрецам, стоявшим во главе общины. В ту эпоху титул рабби («господин, учитель») еще не давался мудрецам. Шамай Старший был одним из старейшин — выдающихся законоучителей своего поколения — и членом Сангедрина.

Мишна рассказывает о том, как Шамай был назначен заместителем главы Сангедрина, вторым лицом после паши, взамен таинственного Менахема (1)*. О последнем, кроме того, что он покинул мир Торы, нам ничего не известно. Свою должность Шамай занимал в то время, когда на нас был Гилель. Мудрецы образовали последнюю пару в череде *зугот* — пар мудрецов, упоминаемых в «Пиркей Авот» (2)*. Пара мудрецов всегда состояла из *наси* — главы Сангедрина, и его заместителя — председателя Судебной Коллегии (*ав бет дин*). Между главой Сангедрина и его заместителем постоянно возникали трения, причем схожие разногласия по определенному кругу вопросов сохранялись из поколения в поколение (3)*. Это наводит на мысль, что в своем непрекращающемся споре глава Сангедрина и его заместитель выражали не только собственные точки зрения, но представляли различные школы, а, возможно, и мировоззрения. Ко времени Шамаи и Гилеля разногласия переросли в открытый ожесточенный спор двух школ, носивших имена этих мудрецов. Школы Шамаи и Гилеля формулировали свое учение недвусмысленно и ясно. Их расхождения были обусловлены разными подходами к изучению Торы и охватывали всю сферу галахического законодательства.

То была эпоха царствования Гордуса (Ирода). Значение Сангедрина как высшего законодательного органа уменьшилось, и параллельно возросло число частных домов учения, в которых расцвели различные направления и школы. Прежде, когда галахическое законодательство оставалось прерогативой единственного полномочного собрания — Великого Сангедрина — для свободы мнений не оставалось достаточно простора, и имевшиеся между школами разногласия не могли достичь той остроты, какую приобрели теперь (4)*. Пламя споров разгоралось все ярче. В конце концов, дискуссии достигли стадии, на которой потребовалось принятие четких галахических решений. Увеличение числа учеников усугубило трудности на пути к согласию. Именно в этом поколении произошел раскол: из-за неспособности привести споры к какому-то общему знаменателю, обе школы, по-своему подходившие к решению больших и малых галахических проблем, окончательно разошлись (5)*. Такое положение сохранялось больше ста лет. Лишь после разрушения Храма ситуация изменилась. Тогда понадобилось вновь воссоединить расколотую надвое Тору, чтобы принять авторитетные для всех галахические постановления.

Несмотря на то, что дома Шамаи и Гилеля не вступали в прямое общение и подвергали друг друга резкой критике, соперничество между ними не переросло в настоящую вражду. Приверженцы обеих школ демонстрировали терпимое отношение к оппонентам. Более того, они, как сказано в Талмуде: «обращались друг с другом дружелюбно и приязненно» (6)*. Разногласия школ Гилеля и Шамаи стали примером бескорыстного «спора во имя Небес» (7)*, участники которого не стремятся к личной выгоде и не пытаются обеспечить себе преимуществ перед противником. Только благодаря этому спор, затянувшийся на десятилетия, не породил вражду. Стороны уважали друг друга и пытались понять чужое мнение, несмотря на то, что не принимали его.

Школы Гилеля и Шамаи обсуждали широкий круг галахических проблем. В этих обсуждениях несложно заметить тенденции, обусловленные личностью каждого из великих законоучителей. Даже спустя столетия, когда многое в суждениях мудрецов изменилось, когда были развиты новые галахические положения, все еще верным было бы утверждение, что именно облик основателя придает каждой школе ее своеобразие.

Упрощенное представление о разногласиях между школами Гилеля и Шамаи гласит: Шамай ужесточает Галаху, Гилель же, напротив, систематически облегчает ее строгость. Это представление, в общем, почти всегда соответствует истине — до такой степени, что редкие исключения из общего правила, немногие поблажки, дарованные домом Шамаи, и строгие установления, вышедшие из дома Гилеля, даже включены в особый список, содержащийся в трактате Эдуйот (8)*. И все же, когда мы пристальнее взглянем в личности обоих мудрецов, присмотримся к методам и традициям их школ, картина разногласий между Шамаем и Гилелем окажется более сложной и богатой оттенками.

Нам очень мало известно о происхождении Шамаи. Скорее всего, как и большинство мудрецов той эпохи, он был родом из Иудеи, вероятно, иерусалимцем. В отличие от Гилеля, пришедшего из

Вавилонии, и новообращенных Шмайи и Авталиона, Шамай — уроженец Земли Израиля. Он — плоть от плоти исконного еврейского населения страны, представитель старинных, укоренившихся в ее почве семей. Уже несколько поколений минуло после возвращения этих семей из Вавилонского плена. То немного, что источники донесли до нас, касается рода деятельности Шама. Он был архитектором, либо инженером-строителем, в крайнем случае — производителем работ. Мудрец со строительным метром в руках, без околичностей указывающий собеседнику на его нежелательность, а то и пускающий линейку в ход, — таким суровый законоучитель предстает в ряде источников (9)*. Педантизм Шама в известной мере связан с его ремеслом. Строитель обязан позаботиться об устойчивости и прочности возводимого здания. Своей линейкой он производит точные обмеры постройки и не вправе позволить себе никаких «примерно», «около того» и «сойдет». Конфигурация и размеры дома должны безусловно соответствовать чертежу.

Подход Шама к Галахе как нельзя лучше сочетается с его характером. Этот подход не совсем правомерно называть «устрожением». Его сущность вернее отражает слово «тщательность», которым, кстати, пользуются, говоря о школе Шама, сами мудрецы. Шамай не был раздражительным ригористом, его педантизм выражался в тщательном следовании правилам, положениям и точным значениям слов. Когда перед ним предстал пресловутый чужеземец, пожелавший выучить Тору стоя на одной ноге, Шамай недаром прогнал его линейкой. Линейка в его руке — не столько выход гневу, сколько отрицание легкомысленной уверенности, будто Тору можно усвоить мимоходом, спустя рукава. Ведь если посмотреть правде в глаза, лаконичная формулировка Гилеля — «ненавистного тебе не делай ближнему» — не раскрывает содержания Торы. Слова Гилеля выражают ее дух, приближают к Писанию и воодушевляют на его изучение, но никак не исчерпывают смысла. В конце концов, Шамай прав, Тору не учат на одной ноге. На протяжении еврейской истории не раз совершались попытки свести содержание Торы к системе четко определенных принципов. Однако тот, кто делал это, всякий раз сталкивался с разными сторонами одной и той же проблемы — разнообразие и многогранность еврейского наследия не позволяют свести его к ограниченному набору формулировок. Шамай понимает, что всякая попытка поставить Тору «на одну ногу» чревата ее искажением, и не желает этого. Шамай отталкивает любознательного пришельца не потому, что тот рассердил его. Мудрец не желает жертвовать истиной ни из любезности, ни из иных соображений. В другом случае, на первый взгляд, не связанном с предыдущим, Шамай и Гилель расходятся во мнениях относительно самого принципа, лежащего в основе их спора. Вопрос, послуживший предлогом, прост: что поют, танцуют перед невестой во время свадебной церемонии? «Спорили учителя наши: как танцуют перед невестой? Дом Шама говорит: «Невесту (величают) такой, какая она есть». Дом Гилеля говорит: «Невесту (величают) прелестной и милой». Сказали из дома Шама дому Гилеля: «Если невеста хромоножка или слепенькая, тоже говорить, что она мила и прелестна?! Не сказано ли в Писании: «От лжи отдаляйся»? (10)*. Второстепенный, как кажется, вопрос о правомерности комплиментов невесте отражает принципиальную позицию обоих законоучителей. Шамай отнюдь не ужесточает закон и не нагромождает ограничений. Он всего лишь тщательно следует истине. Подлеповатую хромоножку неправильно называть красавицей, поскольку это не соответствует действительности. Житейскому прагматизму Гилеля школа Шама противопоставляет догматизм истины. Эта истина четко определена, и преступать ее ни в коем случае не следует. Всякая вещь должна являться в своей достоверной полноте и пребывать в ней, даже когда неприятная правда режет слух или требует трудноисполнимого. Подобная строгость не призвана кому-то досадить. Она — страж объективности, подлинности. Под ее беспощадным взором вещи действительно предстают в своей незамутненной, «теоретической» чистоте. Скучны источники, из которых мы черпаем наши представления о личности Шама и его учении. Но то немного, что нам известно о его жизни, не свидетельствует лишь о суровости нрава. Шамай воздерживался от кормления маленького сына в Йом Кипур — ему неловко было в Судный день делать это собственноручно. Однако он все же нашел способ не заставлять ребенка голодать — подавал ему пищу одной рукой. Мудрецы пошли еще дальше, предписав Шама кормить сына обеими руками (11)*. Строгость поста Йом Кипур останавливала Шама, но тем не менее он не мог допустить, чтобы ребе — нок страдал от голода. Стремясь разрешить противоречие, Шамай ввел ограничения — с тем, чтобы кормление ребенка по крайней мере не совершалось в этот день заведенным в будни порядком. Подобную историю рассказывает Талмуд и о новорожденном внуке Шама. Дед разобрал участок крыши над кроватью роженицы и забросал дыру зеленью, наподобие кровли сукки — чтобы младенец мог находиться в сукке вместе с матерью (12)*. Сквозь обе истории проглядывает человеческая

теплота и равнодушие Шама. Но незыблемым остается фундамент; недопустимо по-разному трактовать закон: для одного человека — так, для другого — иначе. Установления должны быть четкими, однозначными — и да свершится правосудие, неотвратимое, как судьба!

В этом ярче всего отражаются глубокие внутренние противоречия, разделявшие две школы, две системы — Шама и Гилеля. Столь же отчетливо проявляется и несходство характеров мудрецов. Споры и разногласия по всем вопросам — от чтения «Шма» до законов ежемесячного уединения женщины — вращаются вокруг того же принципиального положения. Подход Шама и его школы, по сути, идеалистический. Он стремится воплотить идеал во всей его полноте, не считаясь с житейскими затруднениями и неудобствами, проистекающими из этого. В глазах последователей Шама гармоническая завершенность теории возвышается над суетой быстротечной жизни. Теория самодостаточна, ее сущность заключена в ней самой. Поэтому не следует придавать излишнего значения ее применению, чересчур волноваться по поводу сиюминутного практического воплощения. Школа Шама созерцает в вещах их конечное совершенство, в то время как взгляд Гилеля устремлен в реальность повседневного человеческого бытия.

Один из самых яростных споров между школами Гилеля и Шама бушевал вокруг проблемы, именуемой в Талмуде «восемнадцать Галахот». В Мишне рассказывается о том, как однажды мнение последователей Шама, оказавшихся в большинстве, перевесило, и были приняты восемнадцать суровых постановлений, касающихся, в основном, вопросов ритуальной чистоты (13)*. Эти постановления были приняты в момент максимальной остроты, под влиянием замешательства, вызванного создавшимся положением (14)*. Они никогда не были отменены и касались нечистоты языческих земель, оскверняющего прикосновения язычника и т.д. и т.п. Законы подобного рода явно имели целью углубить пропасть между Израилем и языческими народами, внести в этот вопрос окончательную ясность и заявить о полном отделении, размежевании и разрыве.

Принципиальные расхождения между обеими школами проявлялись не только в галахических дискуссиях. Рассказывается о затянувшемся на два с половиной года споре, темой которого служил вопрос: хорошо ли человеку быть сотворенным, или лучше было ему не являться на свет? Мудрецы школы Гилеля говорили: «Лучше человеку быть сотворенным, чем не быть». Дом Шама не соглашался: «Лучше не быть сотворенным, чем быть» (15)*. В итоге между обеими школами было достигнуто нечто вроде компромисса: человеку лучше было бы вовсе не являться в мир, но коль скоро он сотворен, ему следует покопаться в своих делах и попытаться исправить свои пути (16)*. И здесь подход Шама идеалистический. Главное его школа усматривает в абстрактных идеях. Потому-то человеку лучше было не родиться в реальном мире. Ведь его жизнь здесь — лишь тень более высокого бытия, но при том он обязан, преодолевая постоянные затруднения, соответствовать возвышенным отвлеченным идеям. В другой раз школы Гилеля и Шама разошлись по вопросу о том, что было сотворено прежде — небо или земля. Дом Шама утверждал: небеса сотворены раньше. Дом Гилеля оспаривал: земля предшествовала небу (17)*. Вопрос о порядке сотворения, в сущности, отражает спор о приоритете. Что важнее, небо или земля? Весьма характерна позиция школы Шама: небо, безусловно, важнее. Земля — лишь сомнительный придаток, мутный шлейф, тянущийся за вечными небесами — главной целью творения. Истоки своих воззрений последователи Шама ищут в Танахе: «Так сказал Г-сподь: небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих» (Иешайя, 66:2). Сделает ли человек скамеечку для ног прежде кресла?» Иными словами, этот мир — не более чем низкая подставка, проход, ведущий в тронный зал, бледная тень иной реальности...

В бесконечных спорах учеников Гилеля и Шама, как и в немногочисленных расхождениях самих мудрецов (18)*, отразилось столкновение двух принципиально несхожих мировоззрений. Одно из них — устремленный к небу взгляд Шама, созерцающего мир сквозь призму соответствия возвышенным идеалам. По их образцу надлежит кроить земное бытие, руководствуясь ясными, недвусмысленными законоположениями. И потому — да свершится правосудие, пусть всегда и во всем восторжествует закон, и горе тому, кто встанет на его пути! И другой взгляд — взгляд Гилеля, обращенный к земле, вглядывающийся в мир. Гилель — прагматик, вовсе не обязательно облегчающий ярмо закона. Скорее, он считается с реальностью — такой, какова она есть. Гилель не отказывается иметь дело с повседневностью человеческой жизни — повседневностью, обремененной множеством проблем, зависящей от смены настроений и чувств.

Школу Шама отличало стремление не к ужесточению Закона, а к достижению целостного идеала, к законченности и полноте идеи. На духовный облик Шама и его учения наложило отпечаток

ремесло. Архитектору, строителю, непереносима мысль, что возводимое им здание не будет гармоничным и соразмерным во всех своих частях, от фундамента до кровли, без единого изъяна. Он знает, что даже едва заметное отклонение от вертикали при строительстве одной из стен угрожает обрушить всю постройку.

1. Хагига, гл. 2:2.
2. Авот, гл. 1.3-12.
3. Как, например, вопрос о посвящении праздничной жертвы, см. Хагига, гл. 2:2.
4. Сангедрин, 88Б.
5. Там же. «Когда возросло число учеников Шамаи и Гилеля, которые не учились, как должно, умножились споры в Израиле, и сделалась Тора как две Торы».
6. Несмотря на то, что дома Шамаи и Гилеля разошлись между собой в вопросах о соперницах и сестрах... ученики Шамаи не перестали брать жен из дома Гилеля, а ученики Гилеля — из дома Шамаи. Отсюда ты видишь, что они обращались друг с другом дружелюбно и приязненно, во исполнение сказанного «истину и мир возлюбили». (Иевамот, 14Б).
7. Что такое спор во имя Небес? Это спор Гилеля и Шамаи. (Авот, гл. 5:7).
8. Эдуйот, гл. 4-5.
9. Шабат, 31А.
10. Ктубот, 16Б.
11. История о Шамае Старшем, который желал кормить своего сына одной рукой — постановили, чтобы кормил его обеими. (Тосефта Йома, гл. 5:2).
12. История о невестке Шамаи Старшего, которая родила ему внука, и он разобрал перекрытие, и устроил над кроватью кровлю сукки, ради малыша. (Сукка, 28А).
13. «Вот восемнадцать Галахот, принятых в верхнем покое Ханании бен Хизкии бен Гуриона, когда пришли проведать его. Возобладали из дома Шамаи над домом Гилеля, и порешили о восемнадцати Галахот, принятых в тот день» (Шабат, гл. 1:4). Смотри Талмуд, там же, 13А-17Б и комментарий р.Овадии Бартинура к Мишне, трактат Шабат, гл.1.4.
14. Воткнули перед домом учения меч и сказали: «Входящий войдет, а выходящий — не выйдет». В ту пору сидел Гилель, согбенный, перед Шамаем, как один из учеников, и тяжело было Израилю, будто в день, когда отлили тельца. (Там же, 17А). Смотри также Иерусалимский Талмуд, там же, гл. 1:2. Как видно, не обошлось и без кровопролития.
15. Эрувин 13А.
16. Смысл компромисса в том, что «если человеку предстоит исполнить заповедь, пусть он сопоставит ущерб от ее исполнения с вознаграждением, но из-за ущерба не оставит заповеди, ибо в будущем вознаграждение не замедлит прийти». (Раши, там же).
17. Хагига 12А.
18. В трактате Эдуйот, гл. 1:1-3, и в трактате Шабат, 15А, читаем: «Сказал рав Гуна: в трех местах разошлись Шамаи и Гилель...» В Иерусалимском Талмуде, в трактате Хагига, гл. 2:6 упоминается еще одно разногласие — по вопросу о посвящении.

РАБАН ИОХАНАН БЕН ЗАККАЙ

Долгие годы, при жизни последних поколений перед разрушением Второго Храма и первого поколения, пережившего великую катастрофу, рабан Иоханан бен Заккай занимал в еврейском мире одно из центральных мест. Его имя упомянуто Талмудом в числе младших учеников Гилеля (1)*. Своей устойчивостью династия Гилеля во многом обязана Иоханану бен Заккаю. Он сохранял высокое положение при трех преемниках своего учителя, унаследовавших титул *наси*. Какое-то время Иоханан бен Заккай также возглавлял Сангедрин. Он, единственный из мудрецов, не будучи потомком Гилеля, удостоился звания *рабан*, что означает «наш господин и учитель», «наставник всего Израиля». Подобный почет оказывали лишь прямым наследникам Гилеля.

И тогда, когда он занимал пост, был *наси*, и тогда, когда этим титулом были облечены другие, Иоханан бен Заккай оставался одним из самых выдающихся и признанных мудрецов Торы, быть может, величайшим законоучителем своего поколения. Среди его учеников были такие знаменитые мудрецы как рабби Элизер бен Гурканос, рабби Иеѓошуа бен Ханания и многие другие (2)*. Когорта питомцев Иоханана бен Заккая образовала ядро, вокруг которого в последующих поколениях продолжала складываться Устная Тора.

Оставаясь на протяжении нескольких поколений в центре еврейской жизни, рабби Иоханан бен Заккай ощущал ответственность за будущее своего народа, за то, в каком направлении двинется его история. Особенно тяжкая ответственность легла на плечи мудреца после разрушения Второго

Храма. Впрочем, чувство ответственности не покидало его и раньше — во время антиримского восстания и в период, предшествовавший ему.

В период относительного затишья, установившийся перед тем, как разразилось великое восстание, личность рабана Иоханана бен Заккая заметно выделялась на фоне других мудрецов — *перушим*. В ту эпоху он решительно боролся против саддукеев и в этой борьбе порой применял крайние методы. Рабан Иоханан бен Заккай буквально выкорчевывал остатки влияния саддукеев в Сангедрине и Храме. Он часто дискутировал с саддукейскими мудрецами. Когда читаешь об этом, в тоне Иоханана бен Заккая слышится чувство превосходства, а порой звучит и излишняя резкость: «Да не будет совершенная Тора наша как ваша болтовня!» (3)* Неустанно внедряя обычаи и законы *перушим* — мудрецов дома Гилеля — в жизнь народных масс, Иоханан бен Заккай не выбирал средств. В одной из историй (конечно, не самой популярной) рассказывается о том, как в пылу дискуссии с Первосвященником-саддукеем, Иоханан бен Заккай отхватил оппоненту мочку уха, чтобы навсегда сделать того негодным к храмовому служению (4)*. Деятельность рабана Иоханана бен Заккая в те годы в определенной мере явилась завершением начатого еще его великим предшественником, Шимоном бен Шетахом (5)*. Иоханан бен Заккай окончательно упрочил влияние *перушим* и школы Гилеля во всех сферах народной жизни.

Хотя в большинстве случаев рабан Иоханан бен Заккай старался следовать примеру своего великого учителя Гилеля, любившего мир и всегда стремившегося к нему (6)*, все же представление о нем как о заядлом миролюбце, как о живом олицетворении терпимости и умеренности, мягко выражаясь, не вполне соответствует истине. Иоханан бен Заккай был максималистом. Он свято верил в правоту избранного им пути, и не жалея сил добивался торжества идей, которые считал единственно верными.

Яркий контраст непримиримости Иоханана бен Заккая в борьбе с саддукеями являет позиция, занятая им в ходе антиримского восстания. Уже на начальной стадии восстания мудрец противился его продолжению. Конечно, не из любви к чужеземному игу, а потому, что не верил в возможность победы. Маленькая Иудея не могла рассчитывать, что ей удастся сколь-нибудь длительный срок отстаивать свою независимость в недрах могучей империи. Продолжение восстание неизбежно вело к катастрофе. Предчувствуя грядущее поражение, Иоханан бен Заккай пытался, насколько в его силах, загасить пламя вражды и умерить разгул кровавых страстей. Одновременно он предпринял шаги, продиктованные заботой о будущем. Время показало, что в своей предусмотрительности Иоханан бен Заккай оказался прав. Его дальновидность оказалась спасительной.

Рабан Иоханан бен Заккай скорее всего происходил из священнической семьи (7)*. Он, как уже говорилось, не был потомком Гилеля и рассматривал себя как своего рода «регента» династии, основанной его учителем. Бережное отношение Иоханана бен Заккая к наследникам Гилеля хорошо иллюстрирует пример рабана Шимона бен Гамлиэля, сына рабана Гамлиэля Первого и паси Сангедрина. (Сам рабан Гамлиэль, чья душевная близость с Иохананом бен Заккаем была исключительно велика, оказался по ту сторону баррикад. Он решительно поддержал восстание, став одним из его вождей в Иерусалиме. Имя Гамлиэля даже включено в мартиролог «десяти мучеников царства»). Иоханан бен Заккай совершил поступок, требовавший исключительного мужества, выступив перед римским полководцем в роли ходатая за семью Гилеля. Ему, конечно же, было хорошо известно, какая участь уготована потомкам учителя: римляне вырубали враждебные роды под корень (8)*.

Положение, занимаемое рабаном Иохананом бен Заккаем — такое, каким он сам его представлял — служит ключом к пониманию характера и личности мудреца. Сохранился интересный диалог рабана Иоханана бен Заккая с женой. В нем он сравнивает себя с рабби Ханиной бен Доса, чудотворцем: «Ханина подобен рабу перед лицом царя, я же — министру» (9)*. Рабан Иоханан бен Заккай сравнивает себя с министром, но не при дворе земного владыки, а у престола Царя царей, Пресвятого, благословен Он. На мудреца возложена миссия вершить делами Царя, исполнять Его поручения, причем не какие-нибудь второстепенные, а самые важные и значительные. Такой видел свою роль рабан Иоханан бен Заккай. И действительно, хотя, как и каждому пастырю Израиля, ему приходилось тратить время на мелочи и вникать во второстепенные детали, главным занятием «министра» оставались великие дела. Ему довелось принимать судьбоносные решения на высшем уровне национального руководства.

Верша великие дела, рабан Иоханан бен Заккай оставлял и другим возможность отличиться на общем поприще. Он обладал даром подмечать в каждом человеке его собственные, особенные достоинства и способности. Известна теплота, с которой мудрец относился к своим ученикам. Его

любовь к ним была отмечена не только щедростью чувства, но и уважением — воздавая ученикам хвалу, учитель умел найти в каждом неповторимую грань величия, которой сам не обладал (10)*. Способность оценить чужое величие видна в самоотверженной борьбе рабана Иоханана бен Заккая за жизнь рабби Цадока, которого он почитал святым. Несмотря на то, что в том поколении среди потомков Гилелея не было мудреца, равного ему в Торе, Иоханан бен Заккай приложил все усилия, чтобы титул *наси* сохранился в семье его учителя. Последнее обстоятельство характеризует его как человека, лишённого эгоистического честолюбия и не стремящегося к личной власти. Главное качество Иоханана бен Заккая — непререкаемая верность Царю, ощущение личной ответственности за все, что происходит в Его царстве. Мудрец видел свою роль в том, чтобы находиться в центре происходящего, направлять события и управлять ими. Он никогда не желал быть чем-то большим, нежели опекуном, помазывающим на царство других. Даже когда обстоятельства сложились так, что венец главы Сангедрина украсил его собственное чело, рабан Иоханан бен Заккай считал себя лишь временным его носителем, не помышляя о том, чтобы завещать титул *наси* своим потомкам.

Уникальным оставалось положение Иоханана бен Заккая в годы восстания против римского владычества. Хотя мудрец противился продолжению войны, не имевшей, как он полагал, шансов на победу, он сохранял личные отношения с теми, кто стоял во главе восстания. И в дальнейшем это обстоятельство сыграло важную роль. Один из народных вождей, по прозвищу Бен Батиах (кроме прозвища, о нем ничего не известно) (11)*, приходился Иоханану бен Заккаю племянником. Он был сыном сестры мудреца. Воспользовавшись положением старшего родственника, дядя пытался увещевать Бен Батиаха, доказывая, что в сложившихся условиях продолжение сопротивления бессмысленно. Однако, подобно другим руководителям восстания, Бен Батиах не в силах был совладать с разбухшей им же самим стихией. Даже вняв доводам дяди, он все равно не мог открыто высказываться против продолжения борьбы. Единственное, в чем племянник смог оказать содействие — помочь дяде бежать из Иерусалима, чтобы, оказавшись вне стен осажденного города, Иоханан бен Заккай смог вступить в переговоры с врагами и попытаться спасти то, что еще возможно было спасти (12)*.

Бегство рабана Иоханана бен Заккая из осажденного города не было спонтанным. Рассказывают, что за сорок лет до падения Иерусалима разрушение Храма представлялось ему неизбежным (13)*, скорее, бегство явилось частью хорошо обдуманного, всеобъемлющего плана действий, который созрел в мозгу Иоханана бен Заккая на протяжении четырех с лишним десятилетий. Линия поведения в отношении Того, чьим «министром» он себя чувствовал, была совершенно ясна: Его царствование не должно прекратиться. Отныне проблема состояла не в том, как защитить город или отстоять Храм. Под вопросом оказалось само существование еврейского народа, спасать надо было смысл и цель этого существования. И потому бегство из осажденной крепости и вступление в переговоры с римским полководцем Веспасианом явилось естественным актом, необходимым продолжением той линии, которой рабан Иоханан бен Заккай придерживался, вероятно, уже долгие годы. Исследователи расходятся во мнениях относительно того, когда начала действовать академия в Явне. Но в любом случае не вызывает сомнений, что еще за несколько лет до разрушения Храма Иоханан бен Заккай приступил к созданию в провинции очага Торы, способного, в случае необходимости, послужить убежищем и заменой разгромленного центра. По мысли мудреца, когда отчаянные надежды восставших и их вождей будут погребены под стенами разрушенного Иерусалима, в Явне сможет сформироваться новое неофициальное руководство — взамен уничтоженного врагами.

Встреча между Иохананом бен Заккаем и Веспасианом (14)* знаменита не только тем, что в ходе ее раскрылся замысел мудреца, проложившего новый путь еврейской истории. Славу рабану Иоханану бен Заккаю принес, главным образом, дар политического предвидения, отличное понимание расстановки сил на политической арене. Титулуя полководца «кесарем» (15)*, рабан Иоханан бен Заккай не мог не знать, что подобное обращение к любому лицу, кроме самого императора, считается у римлян призывом к бунту. Мудрец предположил, что Веспасиан не только является первым и самым вероятным кандидатом на престол, но что борьба за власть в Риме вот-вот начнется, и потому именно с этим человеком следует вести переговоры. Ближайшее будущее показало, что он был прав. Когда это выяснилось, Иоханан бен Заккай попытался использовать успех своего политического предвидения, с тем, чтобы смягчить удар или даже предотвратить кровопролитный финал неравной борьбы (16)*. Однако беда заключалась в том, что не только в римском лагере, но и в осажденном городе никто не проявил заинтересованности в мирных переговорах. И трагическая развязка сделалась неизбежной.

Вместе с тем, рабан Иоханан бен Заккай добился части того, о чем просил. Династия Гилеля осталась неприкосновенной, ее авторитет не пошатнулся. В потомках Гилеля Иоханан бен Заккай видел законных преемников царского рода Давида. Признание рабана Гамлиэля (которого впоследствии назовут «Гамлиэлем из Явне») главой народа Израиля в этот трудный исторический момент заметно увеличило вес династии Гилеля. Если прежде полномочия наси были ограничены и он не мог избежать зависимости от тех или иных политических сил, то теперь власть главы Сангедрина из дома Гилеля простиралась почти на все религиозные и политические стороны народного бытия.

После разрушения Храма деятельность Иоханана бен Заккая развивалась в двух направлениях. Во-первых, необходимо было позаботиться о создании новых национальных институций, чтобы разрушение Храма не обернулось крахом всего еврейского народа. С известными постановлениями рабана Иоханана бен Заккая (17)* связаны давно назревшие изменения в галахическом законодательстве. Они стали частью эпохального поворота, значение которого в наши дни невозможно в полной мере оценить. Центр тяжести в изучении и применении Галахи переместился из Храма и храмового служения в другие сферы. Во-вторых, с именем рабана Иоханана бен Заккая связан принцип «хранить память о Храме». Он был одним из инициаторов постановлений и обычаев, направленных на увековечение Храма в народной памяти. Таким образом, Иоханан бен Заккай, с одной стороны, стремился создать временную альтернативу разрушенному Храму, а с другой — заботился о том, чтобы утраченный центр — Иерусалим и Храм — сохранял свое исконное значение.

Эта двунаправленная деятельность привела не только к перемещению средоточия религиозной жизни с Храмового служения на изучение Торы, но и к тому, что взамен единого религиозного центра образовался ряд важных очагов. Таким образом, плодом длительных усилий стало создание универсальной системы, в которой сочетались Храм, Тора, Земля Израиля и диаспора.

Волнующее повествование о кончине рабана Иоханана бен Заккая и о его последней беседе с учениками (18)* проливает немного света на то, каким видели мудреца его современники, и что думал о себе в свой последний час он сам. Перед смертью рабан Иоханан бен Заккай обратился к ученикам со словами: «Очистите сосуды от скверны и готовьте трон Хизкии, царю Иудейскому!» Визит иудейского царя Хизкии в такую минуту подводит итог миссии Иоханана бен Заккая. Мудрец и царь связаны глубоким внутренним сходством, хотя на первый взгляд в аналогичной ситуации царь повел себя совершенно иначе, более того — прямо противоположным образом. Осажденный в своей столице войском могущественной империи, Хизкия не сдается и отказывается от всех мирных предложений. И все же его приход к мудрецу в последний час символизирует их единство. Оба, каждый в своем поколении, посвятили жизнь сохранению преемственности, которой угрожала опасность — преемственности еврейского пребывания в мире. Царь делал это, отказываясь от компромиссов, сражаясь до последнего и уповая на чудо, которое одно могло предотвратить трагический конец — и действительно, чудо произошло. Мудрец оставил осажденный город, совершил поступок, выглядевший предательством, но его цель была той же самой: сохранить власть над Израилем — не династии, не знатной семьи царского рода, а владычество Пресвятого, благословен Он.

1. Говорили учителя наши: восемьдесят учеников было у Гилеля Старшего. Трое из них достойны того, чтобы Шехина покоилась на них, как на Моше-рабейну. И тридцать достойны того, чтобы солнце остановилось ради них, как для Иеѓошуа бин Нуна... Величайший из всех — Ионатан бен Узиэль, меньший — Иоханан бен Заккай (Сукка, 21А). В Иерусалимском Талмуде, в трактате Недарим, гл.3:6 говорится: «Однажды нездоровилось Гилелю, и все его ученики пришли навестить учителя. Иоханан бен Заккай остался стоять во дворе. Спросил их (рабби): «Где меньший из вас, что станет оплотом мудрости и отцом поколения?»».

2. Учениками Иоханана бен Заккая были также рабби Иоси бен га-Коэн, рабби Шимон бен Натанэль, рабби Эльазар бен Арах, рабан Гамлиэль из Явне, рабби Ханина бен Доса, рабби Нехунья бен Хакана, рабби Эльазар га-Модаи и другие.

3. Когда саддукеи говорили: «Дочь покойного наследует вместе с внучкой, дочерью его сына», обрушился на них рабан Иоханан бен Заккай, сказав: «Глупцы, откуда вы это взяли?» И не нашлось человека, который возразил бы ему, кроме одного старца, пробормотавшего в ответ: «Что ж, если даже внучка, дочь сына, наследует вместо сына, не тем более ли его собственная дочь?» (...) Сказал ему: «Да не будет совершенная Тора наша как ваша пустая болтовня! То же, что о Дочери сына, чье право наследования дано ей вместо братьев, ты утверждаешь и о собственной

его дочери, у которой нет права наследовать вместо братьев!?» Так победил их. И в тот день устроили праздник». (Бава Батра, 115Б).

4. История о Великом Когене, саддукее, который совершил омовение и после захода солнца явился сжечь (красную) телицу. Узнал о том рабан Иоханан бен Заккай, пришел и возложил ему длани на плечи. Сказал ему: «Муже Первосвященник! Сколь достоин ты первосвященнического сана! Ступай, окунись еще разок!» Тот пошел, совершил омовение и возвратился. И когда вернулся, он оторвал ему мочку уха. Тот сказал ему «Сын Заккая! Когда же избавлюсь от тебя?» Ответил ему «Избавишься». Не прошло и трех дней, как опустили того в могилу. (Тосефта Пара, 3:8).

5. Смотри Мегилат Таанит, гл.10.

6. Так характеризует Гилеля Мишна (Авот, гл.1). А в Талмуде (Брахот, 17А) читаем «Говорили о рабане Иоханане бен Заккае, что ни одному человеку ни разу не удалось первым пожелать ему мира при встрече, даже чужеземцу на рынке.»

7. Таково мнение Рамбама, высказанное им в предисловии к комментарию к Мишне. Так же считает и Раши — см. Шабат, 34А.

8. Сказал ему (рабан Иоханан бен Заккай Веспасиану) «Подари мне Явне с мудрецами его, династию рабана Гамлиэля... и рабби Цадока». (Гитин, 56Б).

9. И еще история о рабби Ханине бен Доса, который пришел учить Тору у рабби Иоханана бен Заккая. Случилось, что захворал сын рабби Иоханана бен Заккая. Сказал рабби- «Ханина, сын мой, попроси о милосердии к нему, чтобы остался в живых». Уронил Ханина голову на колени. Молил, прося милосердия, — и сын учителя выжил. Сказал рабби Иоханан бен Заккай. «Если бы сам бен Заккай хоть целый день сидел понутив голову на колени, не вняли бы ему небеса». Спросила его жена. «Неужели величие Ханины превосходит твое?» Ответил ей «Нет, но Ханина подобен рабу перед лицом царя, я же — министру». (Брахот, 34Б).

10. Шесть учеников было у рабана Иоханана бен Заккая... Он расточал им хвалы: рабби Элизер бен Гурканос — кладезь повапленный, из которого и капли не убудет; рабби Иеѓошуа — блаженна породившая его! Рабби Йоси — милостив и милосерден, рабби Шимон бен Натанель — грехобоязлив, а рабби Эльзар бен Арах — бьющий источник. (Авот, гл.2:8).

11. Эйха Раба, гл.1:31. В трактате Гитин, 56А, его называют Аба Сикра.

12. Аба Сикра, глава иерусалимских разбойников, был сыном сестры рабана Иоханана бен Заккая. Тот послал за ним, велел скрытно прийти, и когда тот пришел, спросил его: «До каких пор будет продолжаться это смертоубийство? Народ умирает с голоду». Тот ответил: «Что я могу сделать? Выступлю против — убьют меня». Сказал ему рабби: «Помоги мне выбраться из города. Может быть, я еще спасу что-нибудь». (Гитин, 56А).

13. За сорок лет до разрушения Храма стал потухать неугасимый светильник, и врата Святынища открывались сами собою. (Йома, 39Б).

14. Гитин, 56А и Эйха раба, гл.1:31.

15. Дойдя до лагеря Веспасиана открыли гроб. Встал рабби Иоханан из гроба и сказал: «Мир тебе, кесарь! Мир тебе, кесарь!» Веспасиан ответил: «Ты вдвойне заслуживаешь смерти — во-первых, за то, что величаешь меня кесарем, если же ты впрямь таковым меня считаешь, то еще и за то, что не пришел ко мне раньше». Ответил рабби Иоханан: «Если бы ты не был кесарем, не пал бы от руки твоей Иерусалим».

16. Предложил Веспасиан рабану Иоханану бен Заккаю: Проси у меня, чего не попросишь, и я исполню. Тот сказал: «Сделай милость, покинь эту страну и возвратись домой». На это кесарь ответил ему: «С тем ли римляне венчали меня на царство, чтобы пощадил я твою страну? Проси о чем другом, и я исполню». Тогда сказал ему: «Отодвинься от западных врат, что на пути в Лод, и дай четыре часа пощады. Пусть все, кто успеет уйти, спасутся». (Эйха раба, гл. 1:31).

Смотри также Гитин, 56Б, о том, что рабан Иоханан бен Заккай не просил Иерусалим.

17. Рош га-Шана, 31Б. Говорится о девяти постановлениях. Среди них — о трублении в шофар в новомесячье, выпавшее на субботу (Рош га-Шана, гл.4) во всяком месте, где есть бет-дин; о благословении лулава в будни праздника Суккот в память о разрушении Храма (Сукка, гл.8:10); о том, что когены не вправе восходить на помост в сандалиях и т.п.

18. Когда рабан Иоханан бен Заккай занемог, ученики пришли проведать его. Увидев их, он залился слезами. Сказали ему ученики - «Светоч Израиля, столп одесный, могучий молот, о чем же ты плачешь?» Ответил им «Если бы к царю из плоти и крови вели меня, который сегодня здесь, а завтра в могиле, и гнев его не вечен... и подарками можно умиловать его — и тогда б я плакал. Тем более теперь, когда влекут меня к Царю царей... И словами мне не умиловать его,

и подарками не задобрить. Но мало того два пути лежат передо мной. Один — в Ган Эден, другой — в Гегином. А я не знаю, по какому поведут меня! Так как же не плакать?!» (Брахот, 20Б).

РАББИ ИЕГОШУА БЕН ХАНАНИЯ

Мишна называет рабби Иегошуа бен Хананию просто «рабби Иегошуа», без упоминания имени отца. Рабби Иегошуа был выдающимся учеником рабана Иоханана бен Заккая и наиболее заметным из его последователей. Он выступал от имени дома Гилеля в спорах с учениками Шама и был во всех отношениях одним из самых ярких представителей своей школы.

Благодаря более подробному освещению в Талмуде периода разрушения Храма и последующей эпохи, а также благодаря выдающейся личности рабби Иегошуа, нам известно о нем больше, чем о его предшественниках. Очевидно, достоинства рабби Иегошуа обеспечили ему почетное положение еще до разрушения Храма. Уже тогда он выделяется на фоне учеников Иоханана бен Заккая. Вместе с Элизером бен Гурканосом, рабби Иегошуа, по сути, возглавлял учеников рабби. Правда, рабби Иоханан по личным причинам предпочитал ему Элизера (1)*, однако в конечном итоге именно рабби Иегошуа продолжил его дело — и как ученый, сохранявший метод Гилеля в изначальной чистоте, и как мудрец, ощущавший личную ответственность за судьбы Израиля.

Рабби Иегошуа бен Ханания был левитом. Рассказывают, что ему еще довелось послужить храмовым певцом (2)*. Однако не вызывает сомнений, что и до разрушения Храма рабби Иегошуа не мог зарабатывать на жизнь своим искусством. Долгие годы он зарабатывал хлеб насущный тяжелым ремеслом кузнеца или углежога (3)*. Скорее всего, до конца своей жизни рабби Иегошуа оставался бедняком.

После смерти рабана Иоханана бен Заккая во главе его школы встали трое мудрецов: наси Сангедрина, рабан Гамлиэль из Явне — человек энергичного, решительного нрава, пытавшийся воссоздать еврейскую автономию; его свояк, рабби Элизер бен Гурканос (4)*, и рабби Иегошуа бен Ханания. Фактически, рабби Иегошуа исполнял обязанности главы Судебной Коллегии (*ав бет дин*), заместителя наси (5)*, хотя так никогда и не удостоился никакого официального титула. Рабби Иегошуа и рабби Элизер были близкими друзьями с ранней юности. Однако в галахических дискуссиях их мнения полярно расходились. В Мишне несть числа спорам и разногласиям этих мудрецов — они расходились буквально по всем вопросам галахического законодательства. Принято считать, что рабби Элизер был более консервативен, во многом разделяя позицию Шама (6)*. В то же время рабби Иегошуа представлял школу Гилеля в ее первозданности. И потому, за исключением считанных случаев, Галаха принималась в согласии с мнением рабби Иегошуа, а не рабби Элизера.

По характеру оба мудреца также являли полную противоположность. Рабби Элизер, как и его друг, был левитом, однако происходил из весьма зажиточной семьи, тогда как рабби Иегошуа всю жизнь прозябал в нищете. Рабби Элизер отличался высоким ростом и красотой, в то время как рабби Иегошуа обладал весьма непрезентабельной наружностью (7)*. Рабби Элизер проявлял склонность к аскетизму, был идеалистом, тяготеющим к строгости и даже суровости в истолковании закона. Его друг, рабби Иегошуа, напротив, был законченным прагматиком, как в своем отношении к Галахе, так и в отношении к жизни.

Прагматизм рабби Иегошуа не смог предотвратить взрыва. Быть может, именно вследствие нежелания обострять соперничество и доводить разногласия до крайности, рабби Иегошуа оказался втянут в два острых конфликта. Оба вызвали в свое время бурю, которая долго не утихала. В первом случае речь идет о противостоянии мудрецов главе Сангедрина, рабану Гамлиэлю (8)*. Рабби Иегошуа не был готов во всех случаях признавать исключительность прерогатив наси. А тот пытался принудить мудрецов к безоговорочному повиновению. И как раз потому, что рабби Иегошуа всеми силами уклонялся от открытой конфронтации, он постоянно попадал в щекотливое положение. Конфликт разрастался, и наконец возмущенные мудрецы сплотились против главы Сангедрина. В первый и, возможно, единственный раз, наси был смещен со своего поста. На его место был избран не рабби Иегошуа, поскольку его признали заинтересованной стороной в конфликте, а почти неизвестный в ту пору рабби Элизер бен Азария. Весьма характерно, что рабби Иегошуа, который едва ли не больше других страдал от авторитаризма наси, впоследствии сделал все, чтобы примирить враждующие стороны и вернуть потомку Гилеля его престол (9)*.

Второй конфликт, еще более болезненный и острый, вспыхнул между рабби Иегошуа и его другом рабби Элизером (10)*. Он возник из-за разногласий по поводу галахических постановлений о ритуальной нечистоте. Горячий спор перерос в принципиальное столкновение, когда рабби Элизер продолжал отстаивать свою точку зрения вопреки мнению

большинства мудрецов. Под угрозой оказалось незыблемое правило, требовавшее от каждого безоговорочно принимать решения большинства. В сложившейся ситуации рабби Йеѓошуа вынужден был выступить против своего друга. Он встал на защиту установившегося порядка, когда принятое большинством галахическое постановление становилось законом для всех. С этого момента конфликт вышел за первоначальные рамки и стал быстро разрастаться, угрожая расколом Санѓедрина. Чтобы избежать ситуации, когда в рамках единого судебно-законодательного корпуса возникнет две фракции, одна из которых не будет считать обязательными решения другой, мудрецы, поддержанные рабби Йеѓошуа, пошли на крайнюю меру. Они отлучили рабби Элизера.

Рабби Йеѓошуа, стоявший в центре событий, в обоих случаях следовал примеру своего учителя, рабана Йоханана бен Заккая. Прилагая энергичные усилия к тому, чтобы сохранить титул наси за рабаном Гамлиэлем, рабби Йеѓошуа действовал в русле традиционной политики Йоханана бен Заккая, направленной на укрепление авторитета и влияния династии Ѓилеля. Вступив в конфликт с рабби Элизером, он также вел бескомпромиссную борьбу за сохранение централизованного национального руководства. Давняя дружба между обоими мудрецами не помешала рабби Йеѓошуа отлучить ослушника.

По словам самого рабби Йеѓошуа, лишь троим удалось одолеть его в споре: одной женщине и двум иерусалимским детям (11)*. Рабби Йеѓошуа был одним из самых выдающихся полемистов за всю историю Израиля — шла ли речь о спорах с внутренними оппонентами или внешними противниками. По этой причине мы находим его во главе почти всех делегаций, посылавшихся мудрецами в Рим. Благодаря остроте своего ума, лаконичной выразительности речи и развитому чувству юмора, рабби Йеѓошуа мог успешно вести серьезный спор и одерживать верх. При этом он ухитрялся не задеть самолюбия оппонента, развеять атмосферу неприязни и личного соперничества.

Многочисленные истории повествуют о визитах рабби Йеѓошуа к кесарю. Одна из самых знаменитых рассказывает о дочери кесаря (12)*, которая решила посмеяться над мудрецом. Она с издевкой спросила его: «Как возможно, чтобы мудрость, столь прекрасная и возвышенная, как твоя, обитала в столь уродливом вместилище?» Рабби Йеѓошуа, не отличавшийся, как известно, приятной наружностью, посоветовал дочери кесаря перелить драгоценные вина ее отца из уродливых глиняных сосудов в прекрасные золотые и серебряные. Там оно и скисло. Когда кесарь потребовал у рабби Йеѓошуа объяснений, тот сказал: «То, что дочь твоя сказала мне — то же я ответил ей». Мудрец полагал, что опасность, которую таит в себе привлекательная внешность, в первую очередь угрожает разуму.

Немало историй, содержащихся в Талмуде и мидрашах, освещают и другие стороны личности рабби Йеѓошуа. Рассказывается, что как-то раз мудрецы пришли к нему за советом. В их руки попало странное завещание, в котором покойный отец передавал все имущество сыну — но не раньше, чем тот сделается дурачком. Мудрецы не смогли истолковать загадочного условия. Они застали рабби Йеѓошуа играющим со своими детьми, причем один из сыновей сидел на нем верхом. Выслушав мудрецов, рабби Йеѓошуа дал ответ: завещатель имел ввиду, что его воля вступит в силу, когда наследник сам станет отцом и будет дурачиться, забавляя малышей (13)*.

Подобные качества давали рабби Йеѓошуа возможность выносить принципиальные решения по самым трудным вопросам. Фактически, лишь при нем окончательно утвердился примат школы Ѓилеля над школой Шама в галахических вопросах. Отныне в случае расхождений Галаха неизменно принималась согласно мнению школы Ѓилеля. Влияние рабби Йеѓошуа ощущалось и вне еврейского мира. Остроте его ума, силе убеждения, сочетавшей удачные доводы с юмором, не раз удавалось умерить антиеврейскую направленность декретов римской власти. Защищая интересы народа перед лицом римлян, рабби Йеѓошуа в то же время убеждал соплеменников не питать иллюзий в отношении чужеземных господ и не ждать от них слишком многого...

По всей вероятности, именно рабби Йеѓошуа, пока был жив, сдерживал брожение, приведшее после его кончины к восстанию Бар Кохбы. Рассказывают, что после того, как император Адриан, посуливший восстановить Храм, взял свое обещание обратно, в народе вспыхнуло возмущение. Опасаясь, что недовольство может перерасти в открытое восстание, рабби Йеѓошуа обратился к соотечественникам с увещаниями. Ему удалось утихомирить страсти с помощью такой притчи: «Лев растерзал добычу, но в горле у него застряла кость. Царь зверей обратился к подданным: кто извлечет кость, получит достойную награду. Пришла из Египта длинноклювая цапля и вытащила кость. Когда же она запросила награду, лев отвечал: «Ты побывала в пасти льва и ушла живой — неужто мало тебе!?» Довольно и с нас, — продолжал рабби Йеѓошуа, — того, что мы имели дело с

Римом и уцелели» (14)*.

Мудрецы Израиля признавали выдающийся дар рабби Иеѓошуа. Рассказывают, что когда рабби лежал на смертном одре, они спросили его: «Что же теперь будет с нами? Кто заменит нам вождя, умеющего вести споры с властями и всегда готового возглавить борьбу с внешней угрозой?» (15)* Рабби Иеѓошуа утешил их: «Когда в Израиле нет великих людей, их не найдешь и среди народов мира». Однако не вызывает сомнений — пока рабби был жив, его постоянное вмешательство коренным образом влияло на все, происходившее вокруг. Отстаивая преемственность еврейской истории и непрерывность существования народа Израиля, рабби Иеѓошуа пресекал попытки разрушить единство народа изнутри. Об этом он вел ожесточенные дискуссии с рабби Элиэзером, который оставался его близким другом до своего последнего дня. За это он боролся, споря с еретиками — ранними христианами и другими сектантами, искажавшими Галаху. Показательна его полемика с сектой «плакальщиков Сиона», члены которой предавались неумеренной скорби по поводу разрушения Храма (16)*. Рабби Иеѓошуа возвратил их с неверного пути, убедив, что действительность следует принимать такой, какова она есть, и надо искать свое место в жизни, а не затворяться в скорби.

Несмотря на то, что он никогда не отказывался от своего мнения и порой занимал жесткую, бескомпромиссную позицию, рабби Иеѓошуа был, в сущности, великим миротворцем. Он взвалил на свои плечи обязанность беречь еврейский народ, заботиться о его целостности и полноте национального существования. Рабби Иеѓошуа всеми силами заглушал внутренние распри — однако не ценой соглашательства. Насколько благотворной была его деятельность выяснилось вскоре после его кончины, когда вспыхнуло восстание Бар Кохбы. Понять его стало возможно лишь после того, как ушел из жизни великий мудрец, все свое влияние и огромный авторитет направлявший на то, чтобы сгладить противоречия и умерить страсти.

Благодаря своей мудрости, скромности, проницательности и чувству ответственности за будущее еврейского народа, рабби Иеѓошуа был готов понять и смолчать, когда его менее одаренные и достойные коллеги занимали высокие посты. Он принимал их власть и подчинялся с юмором, не ропща на судьбу. Рабби Иеѓошуа обладал безошибочной способностью отличать потенциальных лидеров. Это он выкупил из плена рабби Ишмаэля, которого ребенком захватили римляне (17)*. Рабби Иеѓошуа разглядел в мальчике задатки выдающегося руководителя. Как видно, он же первым открыл рабби Акиву, поняв, что тому суждено великое будущее. В противоположность рабби Элиэзеру, который поначалу не обратил на Акиву никакого внимания (18)*, рабби Иеѓошуа много лет помогал Акиве в учении, пока тот не достиг вершины своих возможностей, став почти ровень с двумя выдающимися мудрецами — своими учителями.

Рабби Иеѓошуа остался для грядущих поколений олицетворением мудреца. Он удостоился этого за проницательность и остроту полемической мысли, за мудрость и скромность, никогда не оставлявшую его, за широту взглядов — благодаря всем этим качествам рабби Иеѓошуа стал воплощением того, что народ Израиля считает истинной мудростью.

1. Авот, гл.2:8.

2. История о рабби Иеѓошуа бен Ханании, пришедшем помочь заделывать дверные щели к рабби Иоханану бен Гудгоде. Тот сказал ему: «Сын мой, ступай назад. Ты ведь певец, а не привратник». (Арахин, 11Б).

3. Сказал ему (рабан Гамлиэль): «По стенам дома твоего заметно, что ты углежог». (Брахот, 28А). Раши приводит к этому месту комментарий: «Углежог — тот, кто пережигает уголь, а некоторые говорят — кузнец».

4. Рабби Элиэзер был женат на сестре рабана Гамлиэля, которую Талмуд называет *Има Шалом*, «матерью мира».

5. Бава Кама, 74Б.

6. Иерусалимский Талмуд, Швиит, гл. 7:8.

7. Как сказала о нем дочь кесаря: «Сколь прекрасная мудрость в столь уродливом сосуде!» (Таанит, 7А).

8. История об одном ученике, который пришел к рабби Иеѓошуа и сказал ему: «Вечерняя молитва — право или обязанность?» Ответил ему: «Право». Тот пришел к рабану Гамлиэлю и сказал ему: «Вечерняя молитва — право или обязанность?» Ответил ему: «Обязанность». Тот сказал: «А вот рабби Иеѓошуа говорит, что право». Сказал: «Подожди, пока не соберутся мудрейшие в дом учения». Когда собрались мудрейшие, встал спрашивающий и задал вопрос: «Вечерняя молитва — обязанность или право?» Ответил ему рабан Гамлиэль: «Обязанность». Вслед затем рабан

Гамлиэль спросил мудрецов: «Есть ли среди вас не согласный с этим?» Ответил рабби Иеѓошуа: «Нет». Тот сказал ему: «Не от твоего ли имени слышал я: «право»?» И еще сказал: «Иеѓошуа! Встань и будут свидетельствовать о тебе!» Поднялся рабби Иеѓошуа на ноги и сказал: «Если бы я был жив, а он мертв, мог бы живой опровергнуть слова мертвеца. Но поскольку оба мы среди живых, как может живой опровергнуть слова живого?» Рабан Гамлиэль сел и приступил к толкованию закона. А рабби Иеѓошуа все стоял на ногах, пока не возмутились все и не сказали Хуцпиту, толмачу носи: «Встань и ты!» Тот встал. Сказали: «Доколе будет он оскорблять и унижать нас? (...) Снимем его! Кого поставим на его место? Рабби Иеѓошуа? Он сторона в деле. Рабби Акиву? Он не знатного рода, нет у него заслуг предков. Поставим рабби Элазара бен Азарию». (Брахот, 27Б.) Смотри также в Мишне, трактат Рош га-Шана, гл.2 и Бехорот, 36А.

9. Послал рабби Иеѓошуа к мудрецам, сказать им: «Облаченный в одежды служения да облачается в них (т.е. *наси* должен остаться на своем посту — прим. пер.). А кто не облачен в одежды служения — тот да не облачается в них». (Брахот 28А).

10. Бава Мециа, 59А-Б; смотри также ниже, прим.10 к гл.5.

11. Эрувин, 53Б; трактат Дерех Эрец, гл.6; Эйха Раба, гл.1.

12. Таанит, 7А.

13. Смотри мидраш «Шохер Тов», изд. Бубера, 72.

14. Брешит Раба, гл. 64:8.

15. Когда отлетала душа рабби Иеѓошуа бен Ханании, спросили его мудрецы «Что теперь будет с нами?» Сказал им: «Потеряли голову сыны, трухой стала их мудрость» — когда евреи лишились главы, тогда же трухой стала и мудрость народов мира». (Хагига, 5Б).

16. Когда был разрушен Храм, умножились в Израиле отшельники, которые вина не пили и мяса не ели. Повел с ними спор рабби Иеѓошуа. Сказал им: «Сыны мои, что же вы мяса не едите и вина не пьете?» Ответили ему «Как будем есть мясо, от коего прежде приносили в Храм, а ныне упразднено жертвоприношение? Как будем пить вино, из коего прежде возливали на жертвенник, а ныне нет возлияний?» Сказал им: «Что ж, тогда и хлеба не станем есть, ибо пресеклось и хлебное приношение. То же и плоды — как будем их есть, когда начатков урожая не приносим? А воду как пить, когда не совершаются возлияния водные?» От слов рабби те примолкли. Он сказал им: «Сыны мои, придите и поддаю вам. Не скорбь и слезы главное ныне, ведь уже свершилась над нами кара. Не должно слишком скорбеть, ибо такой мерой отмеряют наказание обществу, чтобы большая его часть могла устоять в испытании». (Бава Батра, 60Б).

17. История о рабби Иеѓошуа бен Ханании, который шел в большой римский город. Ему сказали: «Здесь в заключении содержится ребенок. Он красив и пригож, а волосы его завиваются колечками». Пошел рабби и встал у входа в темницу. Воскликнул «Кто предал разбою Якова и в руки грабителей отдал Израиля!» Услышал мальчик и откликнулся: «Не Всевышний ли? Ведь грешили мы и не соглашались идти путями Его, и не слушались Торы Его». Сказал рабби. «Знамение дано мне о нем — великим учителем он станет в Израиле. Не двинусь отсюда, покуда не соберу денег на его выкуп, сколько назначено за него». И не ушел, пока не собрал и не выкупил мальчика за большие деньги. Не прошло много лет, как стал мальчик великим законоучителем. Имя его — рабби Ишмаэль бен Элиша. (Гитин, 58А).

18. Тринадцать лет учился рабби Акива у рабби Элизера, но тот не оценил его... Сказал ему рабби Иеѓошуа: «Не это ли то простонародье, которым гнушался ты? Выйди теперь и поборись с ним». (Иерушалми, гл.6:3). Смотри также Мишну, трактат Псахим, гл.6, и Санѓедрин, 68А.

РАББИ ЭЛИЭЗЕР БЕН ГУРКАНОС

Рабби Элизер бен Гурканос, еще при жизни заслуживший наименование «Элизер Великий», происходил из одного из знатнейших левитских родов. Существовала традиция, возводившая его родословную к Моше-рабейну (1)*. Тем не менее, в юности никто бы не сказал, что Элизеру предстоит стать достойным славы своего рода. Его семейство было одним из богатейших в Иудее, но изучению Торы не отдавалось в нем безусловного предпочтения. Элизеру предстояло заниматься хозяйством, и к этому его готовили с детства. Только став взрослым он смог заявить о своем желании изучать Тору, но возможность для этого представилась далеко не сразу. Поворотным пунктом в его жизни стал несчастный случай. В то время сыновья богатых землевладельцев не уклонялись от сельскохозяйственного труда. Во время пахоты тягловая корова сломала ногу, и в голове Элизера в одно мгновение созрело решение не возвращаться домой, чтобы просить прощения у отца, а, бросив все, идти в Иерусалим и всецело посвятить себя Торе (2)*.

Оказавшись в Иерусалиме, рабби Элизер спустя краткое время стал учеником рабана Иоханана

бен Заккай. В тот период у него совершенно не было средств к существованию. По преданию, он питался лишь «черноземом, принесенным с родного поля». Гордость и всепоглощающая страсть к учению — два качества, доминировавшие в нем всю жизнь, — толкнули рабби Элиэзера на своего рода «двойной обман». На постоялом дворе, где он остановился, полагали, что его кормят в доме учителя, а в доме учителя были уверены, что он столуется на постоялом дворе. В действительности же ни там, ни там рабби Элиэзеру не перепало ни крошки. Так продолжалось до тех пор, пока рабан Иоханан бен Заккай, которого вообще отличало внимание к людям, не заметил, что ученик голодает. С тех пор он постоянно заботился о нем, приложив все усилия, чтобы помирить рабби Элиэзера с семьей. Дело было так: Гурканос, отец рабби Элиэзера, отправился в Иерусалим, чтобы лишить сына всех прав на имущество и наследство. Узнав об этом, рабан Иоханан бен Заккай пригласил его на праздничную трапезу, где присутствовали самые выдающиеся мудрецы того поколения и первые Иерусалимские богачи. Хотя Гурканос тоже был человеком не бедным, в таком славном собрании он оробел. Рабан Иоханан бен Заккай попросил своего ученика обратиться к присутствующим со словами Торы. Отец, узнавший в блестящем молодом ученом сына, настолько растрогался, что не только не лишил рабби Элиэзера наследства, а, напротив, пожелал оставить все ему одному. Сын, правда, отказался принять долю братьев, но был рад возможности предаваться учению не заботясь о куске хлеба. Семейные отношения были восстановлены, и в доме рабби Элиэзера водворился достаток, не покидавший его до конца дней.

С этого момента рабби Элиэзер всецело погрузился в мир Торы, и ничто иное его не интересовало. Учитель, рабан Иоханан бен Заккай, уподоблял его колодцу, чьи оштукатуренные стенки не пропускают не капли воды (3)*. Эта метафора свидетельствует об изумительной памяти, которой обладал рабби Элиэзер. Он не забывал ничего из того, что изучил. Рабан Иоханан бен Заккай говорил, что он один стоит всех учеников. Учитель относился к ученику с огромным уважением и был душевно к нему привязан. Рабби Элиэзер вместе с рабби Иеѓошуа, своим товарищем по учебе и вечным оппонентом в споре, помог рабану Иоханану бен Заккаю выбраться из осажденного Иерусалима в гробу, притворившись мертвым (4)*. И тот, и другой оставались верными сторонниками Иоханана бен Заккай во всех смутах того тревожного времени.

Рабби Элиэзера отличали феноменальные способности и исключительная преданность своим учителям (это вообще было одной из главных черт его характера) (5)*. Однако многое влекло его к школе Шама. Подход Шама больше соответствовал характеру и личным склонностям рабби Элиэзера (6)*. Как и Шамай, он стремился к предельной чистоте мышления, что на практике приводило к ужесточению позиций и оборачивалось неспособностью к компромиссам. Во имя Торы рабби Элиэзер готов был вытерпеть муки голода, жить в крайней нищете. Его преданность Торе казалась безграничной. Но Тора рабби Элиэзера была похожа на него самого: жесткая, категоричная, не оставляющая места для дискуссий, не способная принять чужое мнение. Особенности натуры и учения рабби Элиэзера предстояло сыграть трагическую роль в его судьбе. Они же стали отличительным признаком его облика, сохранившегося в памяти грядущих поколений. Рабби Элиэзер остался в истории еврейской мысли великой, но спорной личностью.

В особенности непримиримую позицию рабби Элиэзер занимал в вопросе о галахической традиции. Он не только не допускал никаких спекуляций вокруг методологии и концепций своих учителей, но даже просто формулируя их положения воспроизводил услышанное с дословной точностью, не отступая ни на шаг ни вправо ни влево. В Талмуде рассказывается о нескольких, едва ли не комических эпизодах, когда рабби Элиэзер упрямо отказывался отвечать на вопросы, по которым не было ясности в традиции. Например, в субботу на праздничной неделе Суккот, приглашенный в гости в сукку, рабби Элиэзер затруднился с ответом на вопрос хозяина — дозволено ли накинуть на крышу покров для защиты от солнца (7)*. У рабби не было галахических рекомендаций на этот счет, и вместо того, чтобы высказать собственное мнение, процитировал слова мудрецов по другому поводу: «Ибо нет у тебя колена во Израиле, из коего не поставил судью». Спрошенный о том же вторично, он вновь вместо ответа процитировал слова мудрецов: «Нет у тебя колена во Израиле, из которого не вышли пророки, колено же Иеѓуды и Биньямина поставило царей по словам пророков». Словом, хозяин сукки так и не дождался ответа на свой вопрос. В другом подобном случае (8)* рабби Элиэзера попросили объяснить, почему он отказывается отвечать на поставленный вопрос, и действительно ли все, что он говорит, он слышал из уст своих учителей. Мудрец извиняющимся тоном ответил: «Вынудили меня сказать слова, которых не слышал я из уст учителей моих. И вот они: никогда я ни слова не сказал, если не слышал его из уст своего учителя».

Восхваляя своих учеников, Иоханан бен Заккай уподобляет рабби Элиэзера колодцу, не

теряющему ни капли, в сравнении с другим учеником, которого называет бьющим источником (9)*. Рабби Элиэзер — охранитель древней традиции. В этом его величие. Он отстаивал неприкосновенность и преемственность галахической традиции бескомпромиссно, до конца, не уклоняясь ни вправо ни влево, со всем максимализмом и твердостью.

За свой максимализм и упорство рабби Элиэзер назван «Шамота», близким к школе Шама. Однако с домом Гилеля его связывали куда более крепкие нити. Рабби Элиэзер учился у рабана Иоханана бен Заккая. Он был одним из самых выдающихся учеников этого мудреца — главы нескольких поколений последователей Гилеля. Более того, рабби Элиэзера связывали с родом Гилеля семейные узы — он был женат на сестре рабана Гамлиэля из Явне. Однако ни родственные, ни дружеские связи не остановили рабби Элиэзера, когда пришла пора занять свою позицию в споре. Его позиция противостояла большинству, но рабби Элиэзер упорно отстаивал свои взгляды, свой особый подход, отвергаемый другими мудрецами. Бескомпромиссность, с которой он боролся за свои принципы, послужила причиной трагического события, воспоминание о котором омрачало память нескольких поколений.

История «ехидниной печи» началась с заурядного галахического вопроса, представленного на рассмотрение мудрецов — становится ли определенного вида печь ритуально нечистой, если в нее забралась змея (10)*. Заседание по этому вопросу, судя по всему, должно было завершиться так же, как и множество других заседаний. Но неожиданно спор перерос в конфликт, который глубоко потряс современников. На сей раз рабби Элиэзер, разошедшийся во мнениях с мудрецами, не пожелал уступить и продолжал стоять на своем вопреки воле большинства. Впрочем, в том, что кто-то из мудрецов не согласился с другими, не было ничего из ряда вон выходящего. В меньшинстве доводилось оставаться многим мудрецам. Никто не требовал от них отказаться от своего мнения в угоду большинству. Беспрецедентным было другое: отказ рабби Элиэзера подчиниться официальному галахическому постановлению. Вопреки решению, принятому большинством голосов, он остался на своих позициях и не пожелал считаться с установленной галахой. Несокрушимая убежденность рабби Элиэзера в собственной правоте, возможно, проистекала из его ясной и целостной концепции, которая не могла вместить чужого мнения и не оставляла места для компромиссов. Но даже призвав на помощь природу, стены дома учения и самого Всевышнего, рабби Элиэзер остался в меньшинстве, сохранив при этом абсолютную уверенность в своей правоте.

В результате создалась странная, вызывающая замешательство ситуация. Один из величайших мудрецов, которого современники при жизни именовали «Великим», был подвергнут отлучению и исключен из общины. Сторонников суровой меры возглавлял шурин рабби Элиэзера, рабан Гамлиэль. Его позиция сводилась к тому, что принцип неизбежности однажды вынесенного галахического решения следует предпочесть таким субъективным факторам, как блестящая индивидуальность рабби Элиэзера. В галахическом аспекте эта позиция была безупречной. Она и оказалась решающей.

Однако ее следствием стала человеческая трагедия, глубокая и продолжительная. Много лет, фактически до самого дня своей смерти, рабби Элиэзер отказывался признать свою неправоту. Отлучение не воздвигло между ним и остальными людьми непреодолимую стену, но отныне всякий, вступавший с рабби Элиэзером в контакт, должен был соблюдать определенную дистанцию, отдаляясь от отлученного. Это касалось и тех, кто приходил навестить опального мудреца дома. Друзья и ученики испытывали мучительную неловкость, не смея приблизиться к рабби Элиэзеру. Стремясь избежать ее, они все реже приходили к нему. Постепенно рабби Элиэзер оказался в почти полной изоляции.

В час своей смерти, в потрясающий своим драматизмом миг прощания с друзьями и учениками (11)*, рабби Элиэзер сказал: «Горе вам, руки мои, что подобны двум свиткам Торы, свертываемым навеки. Много Торы учил я и много учил я Торе. Много Торы учил я, но не воспринял от учителей моих даже как пес, лакающий море. Много учил я Торе, но впитали из меня ученики мои лишь как кисть из ведра краски...» Рабби Элиэзер ощущал себя подобным непрочитанному свитку Торы. Он чувствовал, что вмещает в себе всю необъятную полноту еврейской традиции. Но она наглухо закупорена в нем, и он не в состоянии передать свое богатство другим...

Рабби Элиэзер нуждался в учениках, которые могли бы черпать из его сокровищницы. Однако, поставив себя в положение, исключавшее возможность учиться у него, он мучается тем, что не реализовал своей способности нести Тору другим. Любимый ученик рабби Элиэзера, рабби Акива, был во многих отношениях чрезвычайно близок к учителю. Более того — он был единственным человеком, способным задавать вопросы из той специфической сферы, о которой не спрашивал

больше никто (12)*. И вот, даже самый любимый и близкий ученик больше не приходил и не спрашивал ни о чем... Сколь велики должны быть горечь и неудовлетворенность человека, ощущающего, что в нем заключена вся мудрость Израиля, но вывести ее из заточения, передать другим ему не дано! По крайней мере одной из причин скорби, которую отлученный мудрец изливает перед кончиной, послужило его одиночество — одиночество человека, принесшего все в жертву своим принципам. Отстояв их, рабби Элиэзер полностью лишился возможности влиять на происходящее...

Гордая обособленность рабби Элиэзера означала изоляцию его метода в Галахе. В многочисленных спорах, которые он вел с рабби Иеѓошуа, своим постоянным оппонентом, победа неизменно оставалась за старым товарищем рабби Элиэзера по учебе. Рабби Иеѓошуа поддерживали мудрецы, и Галаха почти всегда следовала его мнению. Но несмотря на то, что большинство было на его стороне, сам рабби Иеѓошуа, как и другие мудрецы, относился к рабби Элиэзеру с огромным уважением. Имя рабби Элиэзера было окружено ореолом, его считали величайшим мудрецом своего времени и при жизни называли «Великим». И потому отлучение рабби Элиэзера стало трагедией не только для него самого. Выдающийся ум, светоч Торы, воплощавший знания и мудрость своей эпохи, остался в стороне от нее, словно заживо ушел из жизни... Эту болезненную ситуацию тяжело переживали современники. Величие рабби Элиэзера не ограничивалось одной определенной сферой. Он ревностно охранял традицию и твердо отстаивал свои принципы, однако если мы попытаемся охватить весь круг его интересов, окажется, что они затрагивали почти все области Торы. Он занимался учением явным — Галахой и Агадой, и тайным — каббалой. Талмуд повествует о том, как друзья и ученики пришли навестить заболевшего рабби Элиэзера¹³. В этом драматическом эпизоде удивляет то, что слова мудрецов, людей примерно того же возраста, что и рабби Элиэзер, полны преклонения перед ним. О живых людях обычно не говорят: «Благо твое для Израиля — что влага дождевая» и «Благ ты для Израиля как солнце сияющее». Мидраш рассказывает, что рабби Иеѓошуа однажды поцеловал камень, на котором рабби Элиэзер восседал в кругу учеников. «Камень этот подобен горе Синай, — сказал рабби Иеѓошуа, — А от сидящего на нем исходит сияние Завета» (14)*.

Не случайно сохранилась традиция, возводящая родословную рабби Элиэзера к Моше-рабейну. Подобно Моше-рабейну, личность рабби Элиэзера была всеобъемлющей. Он вмещал всю Тору целиком, во всех прошедших и грядущих поколениях, Тору единую и целостную, совершенную в своей чистоте и незамутненности. Дотрагиваться до такой Торы не следовало, подвергать ее пересмотру или слишком много дискутировать о ней также не подобало. Аргументы и споры лишь вредят чистой, неприкосновенной в своей полноте традиции самой Торы¹⁵. Источник необыкновенного преклонения перед рабби Элиэзером — сама Тора. Рабби Элиэзер отождествляется с ней, его единение с Торой граничит с полным слиянием. Предание гласит, что Галаха следует мнению рабби Иеѓошуа лишь в этом мире. В мире грядущем она будет следовать мнению рабби Элиэзера. Подход рабби Иеѓошуа — прагматичный и человеческий — отвечает нуждам того мира, в котором мы живем. В то же время чистую, возвышенную, совершенную Тору, которую исповедовал рабби Элиэзер — Элиэзер Великий — дано воплотить лишь после прихода Мессии.

1. Псикта де-рабби Кагана, раздел «Пара», 40:1.

2. О начале пути рабби Элиэзера смотри Пиркей де-рабби Элиэзер, гл.1:2, а также в Берешит Раба, гл.42; Танхума, изд. Бубера, раздел «Лех леха», 10 и Авот де-рабби Натан, 8б.

3. Шесть учеников было у рабана Иоханана бен Заккая... Он расточал им хвалы: «Рабби Элиэзер бен Гурканос — кладезь повапленный, из которого и капли не убудет; рабби Иеѓошуа — блаженна породившая его! Рабби Носи милостив и милосерден, рабби Шимон бен Натанель грехобоязлив, а рабби Эльзар бен Арах — бьющий источник». Он говорил: «Если бы всех мудрецов Израиля положили на одну чашу весов, а рабби Элиэзера — на другую, он бы их перетянул». (Авот, гл.2:8).

4. Гитин, 56А.

5. Сукка, 28А.

6. Иерусалимский Талмуд, трактат Швиит, гл.9:5, где назван «рабби Элиэзер, близкий к Шамаю».

7. Сукка, 27Б.

8. Там же, 28А.

9. Авот гл.2.

10. «Учили мудрецы: расчленили и насыпали меж частями песку — рабби Элиэзер признает чистым, а мудрецы — скверным. И это — ехиднина печь... В тот день ответил рабби Элиэзер на

все вопросы, сколько их в мире, но они (мудрецы) не приняли его ответов. Сказал им: «Если Галаха по-моему, пусть то рожковое дерево подтвердит». На сто локтей отпрянуло со своего места рожковое дерево, а иные утверждают — на четыреста. Ответили мудрецы: «Не приводят доводов от рожкового дерева». Тогда опять сказал им: «Если Галаха по-моему, пусть подтвердит арык». Потекли вспять воды арыка. Ответили ему: «Не приводят доводов от арыка». Снова сказал им: «Если Галаха по-моему, пусть подтвердят стены дома учения». Покосились стены дома учения, грозя упасть. Прикрикнул на них рабби Иеѓошуа. Сказал им: «Если мудрецы спорят о Галахе — вам-то какое дело?!» Из почтения к Рабби Иеѓошуа не осмелились рухнуть стены, а из уважения к Рабби Элизеру не дерзнули выпрямиться. Так и остались наклонными навсегда. Тогда опять сказал им (рабби Элизер): «Если Галаха по-моему, пусть небеса подтвердят». Раздался глас небесный. Промолвил «Что противитесь рабби Элизеру? Галаха всегда по его словам». Тогда вскочил на ноги рабби Иеѓошуа и воскликнул. «Не в небесах Тора!» В тот день собрали все, что рабби Элизер признал чистым, и сожгли на огне. И постановили отлучить его...

11. О смерти рабби Элизера, его последней беседе и снятии отлучения смотри в трактате Санѓедрин, 68А.

12. «...И еще учил я триста Галахот (некоторые говорят — три тысячи) о выращивании кабачков (с помощью магии — прим.пер.), и за всю жизнь не нашлось никого, кто спросил бы меня об этом, кроме Акивы бен Йосефа». (Там же).

13. Санѓедрин, 101А.

14. Мидраш Хазит, гл. «Реах шманеха»

15. Сказал ему рабби Иеѓуда бен Бетейра «Буду учить ей (Торе)». Ответил ему (рабби Элизер) «Если ради осуществление слов мудрецов — говори». (Негаим, гл.9:3). Этот фрагмент так интерпретирует рабби Овадьа Бартинур «Если ты найдешь в словах мудрецов смысл, который требует особого рассмотрения — говори. Однако если это не так — лучше помолчи. Ибо я не оставлю того, что выучил от учителей моих, ради того, что услышу от тебя».

ЭЛИША БЕН АБУЯ

В талмудической литературе упоминание этого имени не сопровождается почетным титулом «рабби». Более того: человек, о котором пойдет речь, вообще не появляется в ней под своим настоящим именем; он фигурирует под кличкой «Ахер» — «чужой», «другой». Личность Элиши бен Абуи в определенном смысле олицетворяет трагедию мудрецов мишнаитского периода. Этот человек был одним из выдающихся законоучителей своего поколения. Корни его учения пронизывали всю толщу еврейской традиции, они уходили в самые недра еврейского бытия. Он был не только мудрецом, но и весьма влиятельной личностью. По сути, Элиша бен Абуя один стоил целого *бет-мидраша*. И вот, такой человек оставляет иудаизм, предаёт его, предаёт свой народ, причем не только в буквальном смысле слова — предаёт духовно. Этот человек, заглянувший в потаенные глубины своей веры и изменивший ей, покинувший ее святая святых, нанес еврейству болезненную, долго не заживавшую рану.

Как понять его? Как осмыслить судьбу незаурядного человека, чье величие в Израиле померкло? Эти вопросы мучили современников Элиши бен Абуи и еще долго волновали потомков.

История жизни Элиши бен Абуи, рассказанная им самим, (1)* говорит о том, что уже началу его жизненного пути была присуща раздвоенность. Элиша родился в Иерусалиме и рос в наполовину ассимилированной, по понятиям тех дней, семье. Рассказывая о своем обрезании, он отмечает, что торжество ознаменовалось роскошным пиршеством и плясками. И то и другое было заимствовано из чуждой культуры. Ясно также и то, что гостей мало занимал смысл заповеди, собравшей их за пиршественными столами. Не ради ее исполнения пришли они в дом Абуи. Но поскольку обрезание — все же обычай еврейский, на церемонию были приглашены несколько видных мудрецов. И пока гости предавались чревоугодию и необузданному веселью, мудрецы уселись в уголке и занялись Торой. И хотя они стремились не бросаться в глаза, мудрецы, по словам Элиши, произвели столь сильное впечатление на его отца, что тот решил обучить сына Торе. Это решение означало крутой поворот в будущей судьбе Элиши: вместо того, чтобы преумножать состояние семьи, занимаясь делами, ему предстояло теперь посвятить себя учению. Однако не следует забывать, что детство его протекало в кругу семьи, питавшейся не из одного чистого родника еврейской культуры...

Интерес Элиши бен Абуи к эллинистической культуре, как говорит об этом Талмуд — «греческие песни не сходили у него с уст» (2)* — был плодом двойственного воспитания, полученного дома. С одной стороны, он был мудрецом, постигающим Тору в доме учения. С другой — оставался знатным иерусалимцем, образованным в эллинистическом духе. Похоже, что ни в один период

своей жизни Элиша не был готов отказаться ни от того, ни от другого своего лица. Однако большую часть сил и времени он посвящал миру Торы.

По словам Талмуда, потрясение, слоившее Элишу и вытолкнувшее его за пределы еврейского мира, также было двойным — внутренним и внешним. Он пережил глубокий кризис веры. Не следует забывать, что Элиша бен Абуя был одним из четырех прославленных мудрецов, проникших в святая святых Торы, в ее замкнутый Сад, Пардес (3)*. Мистические откровения этих мудрецов, их штудии Тайного учения обогатили еврейскую традицию и стали ее неотъемлемой частью. Однако лишь самый старший и самый великий из них, рабби Акива (как видно, он вел за собой остальных), сумел войти с миром и с миром выйти. Один из мудрецов погиб, другой лишился разума, а третий — Элиша бен Абуя — потерпел духовное крушение. Занятая им позиция отражала мировоззрение гностиков. Оно распространилось в эллинистически-римском мире, в том числе среди ассимилированных евреев, усвоивших греческую культуру. Особенно глубокие корни учение гностиков пустило на востоке, где испокон веков процветали мистические культы. Мир, по мнению гностиков, был отдан на произвол двух властей. Одна из них — власть добра — была далека и бессильна. Другая — плоть от плоти этого мира — по существу, правила им. Она была властью зла (4)*.

Тяжелый внутренний кризис, переживаемый Элишей, был осложнен трагическими событиями эпохи. Разрушение Храма и поражение восстания Бар Кохбы, ликвидация остатков политической независимости Израиля, крушение национальных чаяний еврейского народа, непрерывные гонения и изощренные дискриминационные меры, жестокие казни и преследования мудрецов, неоднократные запреты на изучение Торы и соблюдение заповедей — такова была действительность тех дней. Рассказывают, что к решению оставить еврейство Элишу, помимо прочего, подтолкнула свинья (5)*. Он увидел ее на улице. Свинья тащила язык глашатая дома учения, зверски убитого римлянами. Вырванный язык *метургемана*, громко повторявший за учеными слова Торы... Зрелища, подобные этому, могли сломить и более крепкого человека. Но в душе Элиши бен Абуи и без того созрел глубокий кризис веры. Бессмысленная жестокость и очевидная несправедливость происходящего еще больше усугубили его. Элиша видел, что в мире, торжествует зло. Кому или чему он мог приписать его господство? Зло как бы утверждало: если силы добра и существуют, они слишком возвышенны, слишком далеки от мира, чтобы всерьез влиять на него. Эти силы не вмешиваются в происходящее. Снедаемый сомнениями, обуреваемый разрывающими его противоречиями, Элиша бен Абуя в конце концов решил. Он сделал шаг к тому, что, на его взгляд, обладало единственной реальной властью в мире — шаг ко злу.

Начиная с этого момента, на протяжении определенного времени Элиша полностью отождествлял себя с нееврейским миром. Та эпоха не знала расовой дискриминации. Евреем можно было стать, но всегда существовала и возможность уйти от еврейства. Грань между мирами пролегалась не по признаку национальной принадлежности. Эта грань была культурной. Элише удалось пересечь ее: на какое-то время он перестал быть евреем. Решив жить по законам нееврейского мира, Элиша принял участие в травле своих бывших единоверцев и преследованиях мудрецов (6)*, сотрудничая с римлянами. Он также дал волю низменным вожделениям, не отказывая себе в том, что так ценится в этом мире. Продажная любовь, погоня за богатством и прочими «радостями жизни» увлекли его. Вчерашний рабби Элиша перестал быть собой. Он стал другим человеком, «Ахером». Талмуд рассказывает о жрице продажной любви, чьих милостей домогался Элиша (7)*. Женщина спросила его: «Разве ты не Элиша?» После того, как нарушив субботу ему удалось убедить ее, что он более не ведет себя как подобает рабби, женщина признала: «Ты не Элиша. Ты другой, *ахер*». С той поры прозвище «Ахер» накрепко пристало к бен Абуе. Не было больше мудреца, законоучителя в Израиле. Место рабби Элиши занял Ахер. Несмотря на все объяснения, судьба Ахера продолжала тревожить мудрецов. Как могло случиться, что мудрец, который столько усилий затратил на изучение и преподавание Торы, пренебрег ею и вступил на путь, уводящий от нее прочь? Беспокойство, порожденное поступком Элиши, проистекало не только из сделанного им выбора. Несмотря на вновь обретенные «радости жизни», он, судя по всему, был несчастен. Сделавшись «другим», Элиша обрек себя на страдания. По крайней мере, таким видел его рабби Меир, единственный из мудрецов, не отвернувшийся от изменника с гневом и отвращением. Раз за разом рабби Меир уговаривал Элишу раскаяться. Ахер не казался ему уверенным в себе, счастливым той жизнью, какую избрал для себя. Элиша, казалось, обречен на несчастье. В своей прежней жизни, в мире Торы, он ощущал себя ущемленным несправедливостью, творящейся вокруг, и страдал от сознания могущества зла. Но и в том мире, в котором он обитал теперь, Ахер остался чужим. Зло не претворилось в его плоть и кровь, как он, быть может, рассчитывал.

Несправедливость по-прежнему доставляла Элише страдания — с той только разницей, что теперь он творил ее сам. Вновь и вновь Ахер вступает с евреями в пререкания, вмешивается в их дела (8)*. Человек не может в одночасье избавиться от своего внутреннего содержания. Несмотря ни на что, в душе Ахер оставался евреем. Не утратил он и знания Торы. Более того — он все еще способен был обучать ей. Талмуд рассказывает, как в одну из суббот рабби Меир сопровождал Элишу, ехавшего верхом, и услышал от него разъяснения по многочисленным вопросам, затрагивающим разные области Торы (9)*. Долгие годы Элиша стремился разрушить еврейский мир — не только в своей душе, но и вовне. Но в последний период жизни он был близок к признанию своего поражения. Да, восстание Бар Кохбы разгромлено, рабби Акива убит, но Элиша не чувствует, что зло окончательно победило в его душе и в мире. Он еще пытается продемонстрировать свое превосходство над рабби Меиром, одним из младших учеников рабби Акивы: «Учитель твой не так говорил!» Однако раз за разом Ахер возвращается к той же мучительной для него теме. Он говорит о своей неспособности вернуться к вере отцов. От фигуры Элиши теперь веет трагизмом безысходного отчаяния.

Элиша бен Абуя разрушил не только собственный мир. По той дороге, по которой он ушел из еврейства, Ахер пытался увести других. Чужой мир обладал, по его мнению, неоспоримым преимуществом — это был мир победителей. Могущество римских орлов доказывало правоту тех, кто желал шествовать под сенью их крыл. Но прошло время, и Элиша ощутил себя всего лишь грешником. К своему несчастью, он не был тем грешником, который преступает закон тайком, прячась за закрытыми ставнями. Великий в глазах своих соотечественников, Элиша стал совратителем «малых сих». И потому он знал, что ему не будет прощения. Об этом Элиша говорит рабби Меиру: «Я слышал голос, доносящийся из-за завесы. Он звал: возвращайтесь, сыны неразумные — все, кроме Элиши!» Путь раскаяния открыт для всех. Для всех, кроме одного-единственного — Элиши. Ему дано было многое познать. Он исполнился мудрости Торы, удостоился славы. Но падая с достигнутой высоты в бездны греха, мудрец пытался увлечь за собой других. А такому человеку, по мнению Элиши, не приходилось ожидать снисхождения. И потому врата раскаяния были закрыты перед ним.

Элиша бен Абуя умер в одиночестве. В своем новом обличье он не приобрел «учеников», готовых повторить его судьбу. Бывший мудрец ушел из жизни, как некогда ушел из еврейства — оставив за собой болезненный след. Этот след изгладился нескоро. Загадка жизни Элиши еще долго тревожила современников и потомков.

Элиша не умер бездетным. Сохранился рассказ о его дочерях, которые пришли к рабби Йегуде га-Наси за подаванием. Рабби колебался, принять ли их, или оттолкнуть, и в конце концов разрылся слезами. Он определил дочерям Элиши содержание, и этим актом вновь ввел их в общину (10)*. Внук Ахера, сын его дочери, стал одним из мудрецов Мишны. Рабби Яков являл собой прямую противоположность деду. Человек с незамутненной душой, он и мир видел целостным, гармоничным, светлым. Проблемы, мучавшие деда, совсем не волновали его (11)*.

Кроме дочерей, Элиша бен Абуя оставил после себя свое учение. Вопрос о том, как относиться к нему, был принципиальным. Этот вопрос решали несколько поколений мудрецов. В конце концов, отношение к наследию Элиши сложилось такое, о котором просила его дочь: «Не взирай на деяния его, а взгляни на его Тору». Высказывания Элиши приводятся в «Пиркей Авот» (12)*, а в «Авот де-рабби Натан» (13)* его мудрым изречениям и моральным сентенциям посвящена целая глава.

Как и при жизни, после своей смерти Элиша тоже повис в пустоте между двух миров. Невозможно оказалось осудить его на адские мучения, ибо заслуги выдающегося мудреца и законоучителя были чрезвычайно велики. Но удостоить вероотступника и злодея райского блаженства также было немислимо. Талмуд рассказывает, как ученик Элиши, рабби Меир, молит о том, чтобы согрешившего мудреца осудили на все муки ада, лишь бы в конце он удостоился исправления и был спасен: «Когда умру я и дымом поднимусь над могилой его?» (в знак того, что суд над Элишей свершился). И действительно, после кончины рабби Меира от могилы Ахера повалил дым (14)*. Однако то был еще не конец. Дым от могилы не переставал идти, показывая, что адские муки продолжают терзать отступника. Казалось, ему никогда не будет прощения. Сменилось несколько поколений мудрецов, а над могилой все еще клубился дым.

Наконец, не выдержал рабби Йоханан: «Что за геройство — жечь своего учителя! — сказал он. — Один из нас согрешил, а мы не в силах спасти его?» Сказал рабби Йоханан: «Когда умру я и угашу пламя его?» (В знак того, что Элиша избавлен от мук и пребывает в раю). И действительно, с кончиной рабби Йоханана дым над могилой Элиши рассеялся.

Еще более поэтичную историю о посмертных скитаниях Элиши рассказывает Иерусалимский Талмуд. Рабби Меиру сообщили, что на могиле Элиши пылает огонь. Придя на могилу, рабби Меир протер над ней талит и сказал те же слова, которые Боаз обратил некогда к Рут — «Ночуй эту ночь здесь, а утром — если избавит он тебя, то хорошо, пусть избавит, а если нет — то я тебя избавлю, как жив Господь. Полежи до утра» (15)*. Рабби Меир пояснил свои слова: «Если Всевышний сам избавит тебя по справедливости — хорошо, пусть избавит. Если же нет — тогда я тебя избавлю. Полежи до утра — до дня грядущего Избавления» (16)*.

Вот высказывание Элишы бен Абуи, приведенное в «Пиркей Авот»: «На что похож тот, кто обучает ребенка Торе? На чернила, покрывающие письменами чистый лист. А на что похож обучающий старца? На чернила, покрывающие лист со стертыми письменами.» Это высказывание весьма характерно для Элиши, человека, для которого независимость мышления, новизна и оригинальность служили основой восприятия мира. То, что он изучал, было подобно свежим чернилам на чистом листе. И потому неудивительно, что посвященная ему глава в «Авот де-рабби Натан» по сути, лишь истолковывает идею Элиши о том, насколько важен для усвоения Торы свежий, не притупившийся взгляд. Метафора, использованная им, отчасти объясняет судьбу Элиши — как его тягу к оригинальности и новизне в первые годы учения, так и неспособность в зрелые годы стереть неудачный текст и переписать его заново... Повторение однажды пройденного казалось Элише невозможным, ибо в нем отсутствовали желанная свежесть, новизна восприятия. Элита обладал способностью творить — но не умел исправлять поломанного. Так не сумел он исправить и свою судьбу.

Элиша не в силах был раскаяться, ибо был неспособен писать на стертом листе. Однако он знал, что это возможно, и хотя не говорит об этом прямо, просит рабби Меира истолковать слова Писания: «Не равноценны ему ни золото, ни стекло» (17)*. Рабби Меир отвечает: «Это слова Торы. Приобретаются они дорого, как золото, а утратить их легко, будто хрупкое стекло. И тогда, со своей характерной интонацией, Элиша говорит ему: «Учитель твой Акива не так говорил! У золота и стекла есть общее свойство — когда они ломаются, их можно переплавить и заново отлить из них украшения, не хуже старых» (18)*.

1. Такова эта история: отец его, Абуя, был большим человеком в Иерусалиме, и на обрезание сына призвал всех важных жителей Иерусалима. Их он собрал в одном доме, а рабби Элизера и рабби Иеѓошуа поместил в другом. Гости пировали, хлопали в ладоши, пели и плясали. Рабби Элизер обратился к рабби Иеѓошуа: «Пока они заняты своим делом, давай и мы займемся своим». Они сели и стали толковать слова Торы, затем перешли к Пророкам, а от Пророков к Писаниям. С небес пало пламя и окутало их. Воскликнул Абуя: «Учителя мои! Не спалить ли дом мой вы пришли?» Ответили: «Боже упаси! Просто сели мы и стали толковать слова Торы, затем перешли к Пророкам, а от Пророков к Писаниям. И были слова Писания радостны, будто доносились с горы Синайской. И пламя лизало их, как некогда лизало их пламя Синая. Ведь Тора на Синае дарована была в огне: «А гора пылает огнем до сердцевины небес». Сказал им Абуя-отец: «Учителя мои! Раз таково могущество Торы, то если выживет сын мой, рожденный ныне — Учению я посвящу его». Но поскольку не во имя небес посвятил сына Торе, то и не осуществились слова его в нем. (Иерусалимский Талмуд, Хагига, гл.1:2).

2. Ахер — кто он был? Греческие песни не сходили у него с уст. Рассказывали, что когда он приходил в дом учения, из-за пазухи у него выпадали еретические свитки. (Хагига, 15Б).

3. Четверо вошли в Пардес. Вот их имена: Бен Азай, Бен Зома, Ахер (Элиша) и рабби Акива. Сказал им Акива: «Когда вы достигнете Авней Шайш Тагор, не говорите: вода! вода! Ибо сказано: «Говорящий ложь не устоит перед взором Моим». Бен Азай взглянул и умер. О нем говорит Писание: «Дорога в глазах Господних смерть возлюбленных его». Бен Зома взглянул и тронулся рассудком. О нем говорит Писание: «Мед отыскал ты, но довольно с тебя, дабы, пресытившись, не изверг». Ахер взглянул и поломал насаждения. Лишь рабби Акива взглянул и вышел с миром. (Хагига, 15Б).

4. Ахер поломал насаждения, и о нем говорится в Писании: «Не давай устам твоим ввести в грех твою плоть». О чем идет речь? Он узрел архангела восседающего, наделенного правом записывать заслуги Израиля, и сказал: «А мы учим, что в вышних не сидят, не соперничают, не отворачиваются (от лицезрения Всевышнего) и не ведают усталости. А вдруг существуют две власти?» (Хагига, 15А).

5. Он увидел язык Хуцпита, *метургемана бет-мидраша*, который тащила та... Сказал: «Язык, с которого сыпались перлы, ныне лижет прах?» Тут же и согрешил. (Кидушин, 39Б).

6. Ахер повредил насаждения. Кто такой Ахер? Элиша бен Абуя, который убивал учителей Торы. Рассказывают, что он обрушивался на всякого, кого видел повторяющим слова Учения. И не только это — он приходил в школы и спрашивал: «Для чего собрались тут эти дети? Я их знаю — вот этому лучше сделаться каменщиком, этому столяром, этому маляром, а тому — портным». Слыша его, дети бросали учебу и уходили. (Иерусалимский Талмуд, трактат Хагига, гл.2:2).

7. Нашел гетеру и позвал ее. Сказала ему: «Не Элиша ли бен Абуя ты?» Была суббота. Он вырвал редьку из грядки и протянул ей. Сказала: «Нет, ты другой». (Хагига, 15А).

8. Хагига, 15 А-Б.

9. История об Ахере, который ехал в субботу верхом, а рабби Меир шел за ним следом и учил из его уст Тору. Сказал ему: «Меир, возвращался назад. Я сужу по следам моего коня: мы подошли к субботней границе». Тот ответил ему: «И ты возвращайся назад». Сказал ему: «Разве прежде я не говорил тебе, что услышал голос, доносящийся из-за завесы? Он звал: «Возвращайтесь, сыны неразумные — все, кроме Элиши!» (Там же).

10. Спустя некоторое время пришли дочери Элиши просить подаяния у Рабби. Тот постановил: да не найдется простирающего милость отступнику и жалеющего его сирот! Они сказали ему: «Рабби, не взирай на деяния его, а взгляни на его Тору». Тогда зарыдал Рабби и велел выдать им содержание. (Иерусалимский Талмуд, трактат Хагига, гл. 2:2).

11. «Сказал Раба: рабби Яков утверждал, что награды за исполненную заповедь не обрешь в этом мире. Он говорил: среди заповедей Торы, за чье исполнение обещана награда, нет ни одной, не связанной с воскрешением из мертвых. О почитании отца и матери говорится: «Дабы продлились дни твои». О птице в гнезде сказано: «Ради блага твоего и продления дней твоих (возьми птенцов и отпусти птицу)». Был случай, когда сказал отец сыну «Полезай на дерево и принеси мне птенцов». Сын взобрался на дерево, прогнал их мать, взял птенцов, а спускаясь упал и расшибся насмерть. Где же благо, обещанное (за исполнение обеих заповедей) и где долголетие? Но не об этом мире сказано, а о мире грядущем — дабы там ожидало тебя благо, и там продлились дни твои». (Кидушин, 39Б). И далее: «Сказал рабби Иосеф: если бы Ахер так истолковал тогда этот случай, он бы не согрешил». (Случай этот, которому Элиша стал свидетелем, подтолкнул его к разрыву с еврейством — прим.пер.) А в Иерусалимском Талмуде, в трактате Хагига, рассказывается: «Назавтра Ахер увидел человека, взобравшегося на вершину пальмы. Человек взял из гнезда птенцов, а их мать отпустил. Когда он спустился вниз, его укусила змея и он умер. Сказал Элиша: В Писании читаем: «Отпусти мать... ради блага твоего и продления дней твоих». Где же благо и где долголетие, обещанные этому человеку?»

12 Пиркей Авот, гл.4:20.

13 Авот де-рабби Натан, гл.24.

14 Хагига, 15Б.

15 Мегилат Рут, гл.3:13.

16 Иерусалимский Талмуд, трактат Хагига, гл.2:2.

17 Иов, 28:17.

18 Хагига, 15А.

РАББИ ИЕГУДА ЃА-НАСИ

О рабби Иегуде Ѓа-Наси говорили, что со смерти Моше-рабейну до рождения Рабби (так почтительно называли Иегуду Ѓа-Наси) не собиралось столько Торы в одном месте (1)*. Иными словами, не было другого человека, который крепко держал бы в руках бразды политического правления и одновременно являлся духовным лидером своей эпохи, знатоком Торы и величайшим мудрецом поколения. Как правило, духовное и политическое руководство принадлежало разным людям. Их интересы зачастую не совпадали, а иногда оказывались прямо противоположными. В тех считанных случаях, когда светская власть и авторитет Торы объединялись в одном лице, важность и значение этого лица возрастали настолько, что затмевали остальных современников.

Рабби Иегуда Ѓа-Наси принадлежит к поколению, становление которого пришлось на период, последовавший за восстанием Бар Кохбы. Еще совсем свежа была память о жестоких преследованиях и массовых казнях. Иудея, служившая театром военных действий, обезлюдела и лежала в руинах. Война и суровые карательные меры римлян (Талмуд именуется их «губительными указами») совершенно опустошили страну. Прошло много лет, прежде чем удалось воссоздать общину и возродить еврейскую культуру — в другом районе Эрец Исраэль, на севере. Лишь при жизни Рабби еврейское население Галилеи настолько оправилось от удара, что смогло выдвинуть новое поколение мудрецов.

Состояние общины улучшилось, а положение Рабби особенно укрепилось, помимо прочего, благодаря его хорошим отношениям с римскими властями. Талмуд сохранил множество преданий (2)*, повествующих о необычной дружбе, связывавшей Рабби с римским императором, которого в талмудической литературе называют «Антонином» (3)*. Император не только поддерживал с Рабби личные дружеские связи, но и высоко ценил его духовную роль в иудаизме. Что-то сближало философа на троне с еврейскими ценностями (4)*. Благосклонность могущественного кесаря подарила измученному народу период относительной безмятежности. Вновь упрочился и престиж главы Сангедрина, подорванный извне и изнутри событиями минувших лет. Авторитет нами поднялся на небывалую высоту. То обстоятельство, что рабби Иегуда га-Наси был величайшим из мудрецов своего поколения, в сочетании с его особым политическим положением, придало главе Сангедрина необычайный вес. Достичь подобного положения не удалось больше ни одному нами.

Уникальность положения Рабби проистекала не только из счастливого сочетания исторических обстоятельств. В большой мере это было его личной заслугой. Как видно, Иегуду га-Наси еще при жизни стали называть «Рабейну га-Кадош», Святой Учитель (5)*. Ведь несмотря на свое богатство (6)* и роскошь, предназначенную для чужих глаз, в частной жизни Рабби довольствовался немногим и был склонен к аскетизму. Посты и телесные недуги, на протяжении многих лет мучавшие Рабби (7)*, являли разительный контраст пышности и изобилию, царившим при его дворе. Рассказывают, что в час кончины Рабби воздел пальцы обеих рук кверху и сказал: «Владыка мира! Известно и открыто перед Тобой, что всеми десятью этими пальцами утруждался я в изучении Торы, и даже на мизинец не наслаждался благами житейскими» (8)*. Молва о смирении и суровом самоограничении Рабби разнеслась повсюду. Она еще больше увеличила обожание, которое питали к нему современники. Не только младшие, но и сверстники, и даже те, кто был старше его, безоговорочно признали первенство Рабби, причем не только из почтения к его званию и исключительному положению, но и отдавая дань превосходству его личности. Всю меру обожания, испытываемого к Рабби, выразил один из его учеников, сказав: «Если кто-либо из живущих подобен (Мессии), то это — наш Святой Учитель» (9)*. Не случайно рабби Иегуду га-Наси называли просто «Рабби», без прибавления имени. Ибо своим учителем его называл каждый, он был Рабби целого поколения.

Исключительное положение Иегуды га-Наси проистекало не только из его личных достоинств или успеха, которого он добился на своем посту. Главным делом его жизни, фундаментом, на котором зиждилось все остальное, было составление и редактирование Мишны. Именно этому великому предприятию Иегуда га-Наси обязан своим выдающимся местом в еврейской истории. Оно принадлежит ему по праву.

Грандиозность проделанной работы отчетливо видна на фоне еврейской традиции, уходящей в глубокое прошлое — традиции, предшествовавшей Рабби. На протяжении многих поколений, сотни и тысячи лет Устная Тора передавалась от учителя к ученику. Она странствовала от Дома Учения к Дому Учения, и характер и методы изучения Устной Торы изменялся от поколения к поколению. Однако один незыблемый принцип сохранялся всюду и во все времена: передача традиции оставалась изустной. Правда, в прошлом, еще в эпоху существования Храма, различные люди делали памятные записи, содержавшие краткие упоминания о выдающихся событиях или важных решениях, которые авторы сочли достойными памяти потомков. Однако, как правило, Устную Тору не записывали, и свитки, содержащие ее текст, называли «тайными», т.е. не предназначенными для широкого использования. По этим свиткам не преподавали и не учились, их специально не хранили — разве что сами обладатели свитков, которым их записи были дороги. Более того: существовало галахическое правило, гласившее, что, подобно тому, как нельзя декламировать на память тексты Письменной Торы, так запрещено записывать Тору Устную. Одним из аргументов против записи предания служило опасение утратить гибкость интерпретации, сохраняющуюся в изустной передаче. Письменный текст постепенно теряет эластичность, каменеет. На определенном этапе его существования пропадает возможность развивать и продолжать его. С этого момента интерпретация превращается в комментирование, т.е. в нечто дополнительное по отношению к тексту. Восприятие утрачивает свежесть, перестает обновляться. И потому вокруг Письменной Торы всегда существовала гибкая сфера ее практической интерпретации. Эту сферу порождала необходимость в уточнении значений слов, смысла понятий и концепций, но главное — потребность в определении того, каким именно образом следует исполнять содержащиеся в Торе заповеди. Хранительницей всех этих разъяснений была древняя Традиция, передаваемая

из уст в уста на протяжении многих поколений — от Моше Рабейну, через цепочку его преемников и наследников, которые перечисляются в трактате «Пиркей Авот» (10)*, до рабби Иегуды га-Наси. На протяжении всех поколений Устную Тору ревностно хранили, не допуская ее превращения в письменный текст — дабы уберечь от затвердевания.

Однако вопреки этому и многим другим соображениям, рабби Иегуда га-Наси пришел к выводу, что пришла пора записать Устную Тору, установив твердые правила и надлежащим образом систематизировав ее. Очевидно, рабби Иегуда ощущал, что благоприятная возможность, предоставленная ему историей, едва ли скоро повторится. Казалось маловероятным, что надолго сохранится положение, при котором глава Сангедрина, пользующийся всеобщим уважением, одновременно стоит у кормила политического и экономического правления, поддерживая общественную стабильность. И действительно, после рабби Иегуды таким безраздельным влиянием уже не обладал ни один наси. Рабби предвидел, что, каковы бы ни были причины, в дальнейшем положение будет ухудшаться. Он не мог не опасаться за судьбу Устной Торы в случае, если еврейский народ постигнут новые бедствия, вроде неудачного восстания Бар Кохбы, воспоминания о котором еще были свежи в памяти его поколения. Угроза повторения подобной катастрофы, очевидно, сыграла не последнюю роль в решении рабби Иегуды га-Наси зафиксировать Устное Предание. Талмуд рассказывает, ценой каких невероятных усилий и героического самопожертвования удалось сберечь преемственность, когда в результате преследований в живых остался один-единственный мудрец, облеченный титулом «рабби» — последний, обладающий правом посвящения в этот сан. Лишь ценой собственной жизни ему удалось рукоположить нескольких учеников (11)*. Этот случай, описанный в Талмуде, подчеркивал реальность угрозы, которой однажды чудом удалось избежать. Преемственность Устной Торы едва не была разорвана, ибо Традиция сохраняла силу лишь до тех пор, пока передавалась по цепочке мудрецов, после многолетней учебы рукоположенных своими предшественниками в законоучители. У рабби Иегуды га-Наси были основания опасаться, что в будущем под угрозой окажется само проживание евреев в Эрец Исраэль. Диаспора же была чревата распылением Устной Торы между разбросанными домами учения, причем увеличивалась вероятность искажения ее не согласованными между собой подходами. А расхождения в трактовке Устной Торы могли привести к окончательному крушению Традиции... И потому, даже отдавая себе отчет в том, что его действия идут вразрез с природой и духом самой Устной Торы, рабби Иегуда га-Наси решил отлить ее текучую стихию в единую неизменную форму письменного текста.

Уже среди мудрецов предшествовавшего поколения находились такие, кто предпринимал шаги в этом направлении. По-видимому, еще рабби Акива объединил какие-то галахические предания в единый источник (12)*. А его ученик, рабби Меир, провел текстологическое исследование, отобрав версии, послужившие основой для окончательного текста Мишны (13)*. Исходный материал, которым воспользовался в своем труде рабби Иегуда га-Наси, можно уподобить сырью. Оно создавалось и накапливалось устно в разных домах учения, сохранялось в преданиях и традициях, отчасти противоречащих друг другу и порой обрывающихся после восстания Бар Кохбы. Это сырье Рабби переплавил в драгоценный слиток Галахи, содержащейся в Устной Торе. Краткая и емкая форма Мишны не позволила включить в нее все богатство Устной Торы. Далеко не каждая точка зрения, галахическая традиция или спор нашли свое отражение в ней. В работе подобного рода неизбежно приходится прибегать к концептуальным обобщениям, многое вообще опускать. Разные источники и предания нанизываются на единую композиционную нить, придающую им общий размер и ритм. Рабби Иегуда га-Наси проделал поистине титанический труд. Разработанная им галахическая структуры Мишны утвердилась на века. Редактирование Мишны было связано с кропотливыми текстологическими исследованиями, со сравнительным анализом различных версий текста. Понадобилось провести также сопоставление разных концепций. По сути, это была попытка провести центральную линию внутри сложной системы галахического законодательства. Остается неясным, была ли Мишна, составленная Рабби, действительно записана им. Но даже если до поры до времени Мишна оставалась «устной» книгой, она несомненно является плодом творчества рабби Иегуды га-Наси. Рабби отфильтровал огромное количество галахических традиций (шестьсот или семьсот, как утверждает Талмуд), сведя их к доступному минимальному объему, и расположил так, чтобы максимально облегчить запоминание. Отныне Мишна стала главным учебным пособием для всех, изучающих Устную Тору. Вместе с тем, Рабби продолжил традицию предыдущих поколений. Устная Тора не перестала развиваться при нем, не прекратился поиск ответов на вопросы поставленные временем.

Велись и исследования различных галахических концепций, направленные на уяснение их аргументации и смысла (эти исследования назывались тогда словом «талмуд», и впоследствии действительно привели к созданию Талмуда).

Еще одной гранью личности Рабби является его особое отношение к ивриту. Это отношение сказалось на традиции, у истоков которой он стоял. Традиция обращена к потомкам. Дом рабби Иеѓуды га-Наси оставался одним из последних мест, где звучал разговорный иврит. Рассказывают, что мудрецы спрашивали у служанки Рабби значение ивритских слов, которых не знал никто в доме учения (14)*. Необычайная чувствительность Рабби к языку отразилось в специфических мишнаитских формулировках. Ибо редактирование Мишны, помимо анализа и отбора огромного количества материала, поставило также языковую проблему. Необходимо было привести мнения множества мудрецов, принадлежавших к разным эпохам и школам. В этом секрет изобилия языковых форм, встречающихся в Мишне. Мы найдем здесь не только древний пласт языка, восходящий к эпохе, которая предшествовала строительству Второго Храма, но и тонкие различия между Иерусалимским и иудейским, или галилейским, диалектами. Перед Рабби стояла задача отчеканить из этого лексического многообразия четкое языковое единство, унифицировать терминологию, обслуживающую разные темы, а также разработать основы галахической терминологии, которой смогли бы воспользоваться последующие поколения. Одновременно следовало позаботиться о точности формулировок, о доступности для понимания и об удобстве изучения. Ведь несмотря на все сокращения, Мишна оставалась весьма сложным сооружением.

Огромный редакторский труд воплотился в конце концов в книгу, которая, несмотря на свой ограниченный объем, стала галахическим кодексом Израиля. Некоторые утверждают, что название Мишны (образованное от корня «учить», «повторять», но имеющее также значение «замещать», «быть вторым после кого-либо») обязано своим происхождением ее величию. Мишна уступает только Торе, как «вторая (мишне) после царицы». И действительно, отношения между Мишной и Торой отражают связь Галахи, текстуально зафиксированной в Писании, с ясной, четко сформулированной Галахой Устной Торы. Со времен рабби Иеѓуды га-Наси, оплодотворив талмудическую и последующие эпохи еврейской мысли, Мишна дошла до наших дней в неизменном виде. Труд Рабби не остался его частным делом, недолговечным, как все в этом мире. Мишна сформировала структуру Устной Торы, предопределив ее дальнейшее развитие. И потому титул «Рабби», которым современники при жизни наградили своего учителя, не потерял своей актуальности когда сменились поколения. Рабби Иеѓуда га-Наси остается нашим «Рабби» и по сей день.

1. Гитин, 59А.

2. Санѓедрин, 91А-Б; Авода Зара, 10А-Б. Иерусалимский Талмуд, трактат Санѓедрин, гл.10 5 и т.д.

3. Идентификация его остается спорной. Одни считают, что речь идет о Марке Аврелии, другие видят в Антонине кого-то из его преемников.

4. Авода Зара, 10Б. В Иерусалимском Талмуде — трактат Мегила, гл.1:11. Существует даже легенда, что Антонин принял иудаизм и сам сделал себе обрезание.

5. Шабат, 118Б; Санѓедрин, 98Б.

6. Скотный двор Рабби был богаче, чем у персидского царя Шапура. Столь многочислен был его скот, что одного навоза Достало бы, чтобы обогатиться. (Бава Мециа, гл.5 1). Смотри также Брахот, 43А и 27Б, Шабат, 52А, 121Б и 122А и др.

7. Сказал Рабби «Возлюблены страдания». Он принял на себя тринадцать лет мучений, шесть от болезни почек и семь от скоробута, а некоторые говорят — от болезни почек семь, а от скоробута шесть. Бава Мециа, гл.5:1.

8. Ктубот, 104А.

9. Санѓедрин, 98Б,

10. Пиркей Авот, гл.1.

11. Как-то раз злодейское царство воздвигло гонения на Израиль и издало губительный указ: каждый рукополагающий да будет убит, и каждый рукоположенный да будет убит, а ближайший город будет разрушен и сами пределы его стерты с лица земли. Что же сделал Иеѓуда бен Бава? Пошел и встал меж двух больших гор, меж двух больших городов, меж двух пределов субботних — меж Ушей и Шфарамом. И рукоположил там пятерых мудрецов: рабби Меира, и рабби Иеѓуду, и рабби Шимона, и рабби Йоси, и рабби Элизера бен Шамуа. Рабби Овья добавляет: и рабби Нехемью. Когда враги заметили их, сказал рабби: «Дети мои, спасайтесь!» Спросили его: «Рабби, а что будет с тобой?» Сказал им: «Я буду вам как камень неподъемный». И не двинулись враги,

пока не вонзили в него трехсот железных копий, изрешетив его как сито. (Сангедрин, 14А).

12. На что рабби Акива похож? На работника, который берет свой короб и выходит из дома. Нашел пшеницу — положил в него; нашел овес — положил в него; гречу — положил в него; бобы — положил в него; чечевицу — положил в него. А когда вернулся в дом, то разобрал и разложил пшеницу — отдельно, овес — отдельно, гречу — отдельно, бобы — отдельно и чечевицу — отдельно. Так упорядочил рабби Акива всю Тору, разобрав ее по ячeam. (Авот де-рабби Натан, гл.18).

13. Сказал рабби Иоханан: «Рабби Меир завершил Мишну, рабби Нехемья завершил Тосефту, рабби Иегуда завершил Сифра, рабби Шимон завершил Сифрей, и все они следовали методу рабби Акивы». (Сангедрин, 86А).

14. Не знали мудрецы что такое *серугин* и пришли спросить служанку Рабби. Увидев их, она простерлась ниц. Сказала им: «Почему входите вы *серугин-серугин* (по очереди, попеременно)?» — и они поняли значение слова. (Рош га-Шана. 26Б)

РАВ

Рабби Аба бар Ибо, именуемый в Талмуде «Рав», по праву считается величайшим из вавилонских амораев, хотя среди законоучителей предшествовавшего периода, живших в Междуречье, также были выдающиеся мудрецы. В Вавилонии издавна существовала разветвленная система изучения Торы, и Рав многое получил от нее. Однако до прибытия Рава Вавилония оставалась далекой и зависимой провинцией Торы, чья столица находилась в Эрец Исраэль. Прибытие Рава знаменовало начало поры духовной независимости Вавилонского еврейства. В тот период здесь возникают крупные йешивы и начинает складываться Вавилонский Талмуд. В создании этого великого произведения участвовали мудрецы нескольких поколений. Однако сомнительно, был бы Талмуд завершен и достиг бы своего нынешнего объема, если бы не личность и учение Рава.

Хотя Рав был уроженцем Вавилонии, свою ученость он приобрел главным образом в Эрец Исраэль. Здесь же Рав почерпнул большую часть галахических преданий, которыми располагал. Еще в юности он отправился в Эрец Исраэль по следам своего дяди, рабби Хии Старшего. Как и дядя, Рав учился у рабби Иегуды га-Наси. В *бет-мидраше* Рабби он оказался едва ли не самым младшим учеником. Но, по его собственным словам, Рав уже тогда числился среди молодых судей — данное *бет-дина* Рабби (1)*. Наряду с другими членами своей семьи, которых в доме наси принимали как родных, он удостоился особой близости рабби Иегуды. Рав учил Тору также из уст других мудрецов, окружавших Иегуду га-Наси. Среди них были самые выдающиеся ученики Рабби (2)*. В кратком пересказе рабби Хии Рав познакомился с учением вавилонских мудрецов (3)*. Очаг еврейской учености существовал в Вавилонии еще со времен изгнания, последовавшего за разрушением Первого Храма. Этот самостоятельный центр со временем выработал и собственные методы учения. Правда, в тот период эти методы находились еще в начальной стадии развития, и Вавилония, конечно, не могла соперничать с Эрец Исраэль. Однако несмотря на то, что воззрения и методы вавилонских мудрецов еще не вполне оформились и не были четко определены, рабби Хия сумел как-то обобщить и сформулировать их, и в сжатой форме передал Рава.

Начало деятельности Рава приходится на период создания Мишны, и потому поколение мудрецов, к которому он принадлежал, считается переходным — от танаев к амораям. Вавилонский Талмуд придерживается того мнения, что Рав был не только аморой, т.е. толкователем учения танаев, но и выдающимся таной, мудрецом Мишны (4)*. Поэтому за ним признается право расходиться во мнениях с другими танаями и даже с самой Мишной. Некоторые полагают, что тана рабби Аба, чье имя несколько раз встречается в Барайте, на самом деле не кто иной, как Рав, упоминаемый под своим настоящим именем — рабби Аба (5)*.

Рав происходил из знатного иудео-вавилонского рода, возводившего свою родословную к царю Давиду. В трактате Ктубот (6)* говорится, что род Рава вел происхождение от Шими, брата Давида. А Иерусалимский Талмуд утверждает, что семья происходила от самого царя Давида. Семья состояла в родстве с Главой Изгнания, Рош га-Гола (7)*, и славилась своими знатоками Торы. Среди них был отец Рава, рабби Ибо, и дядя, он же наставник, — рабби Хия Старший. В силу странного стечения семейных обстоятельств он приходился мальчику дядей дважды, будучи одновременно единокровным братом его отца и единоутробным — матери (при том, что сами родители Рава не находились между собой в кровном родстве (8)*. Между Равом и рабби Хией сложились особо теплые отношения (9)*. Дядя пестовал любимого племянника и пытался обеспечить ему более высокое положение, чем у других родственников того же возраста. А Рав впоследствии защищал его галахическую концепцию. После смерти любимого дяди Хии и

великого учителя, рабби Иегуды га-Наси, в Израиле не осталось личности, обладавшей достаточным весом и авторитетом, не нашлось мудреца, из чьих уст Рав мог бы продолжать черпать Тору. Положение усугублял личный конфликт. Возникнув по маловажной причине, он долгие годы омрачал жизнь Рава в Эрец Исраэль (10)*. Рав оказался в сложном положении: семейные и другие обстоятельства не позволяли ему занять достойное место в Израиле. Вождем он стать не мог, но в то же время был слишком крупной фигурой, чтобы оставаться учеником. В определенной мере это послужило побудительным мотивом его возвращения в Вавилонию. Оглядываясь назад, можно сказать, что решение вернуться пошло на благо не только Раву. Его деятельность на родине оказалась чрезвычайно плодотворной. Она привела к невиданному расцвету Торы в Вавилонии. Обстоятельства привели выдающегося мудреца, достойного стать одним из руководителей своего поколения и продолжателем дела рабби Иегуды га-Наси, в землю, которая с точки зрения Торы оставалась невозделанной. На целинной почве Вавилонии Рав занялся культивированием принесенных из Эрец Исраэль знаний и заложил фундамент будущего центра Торы.

Однако поначалу Рав столкнулся у себя дома с той же ситуацией, что и в Израиле: вавилонская почва была невозделанной, но отнюдь не пустынной. Здесь издавна жили выдающиеся мудрецы, такие как Шмуэль и Карана (11)*, а также рав Шила, возглавлявший *бет-мидраш* в Негардее (12)*. Правда, Рав был великим мудрецом и обладал благородным происхождением, однако он уклонился от соперничества с местными законоучителями, давно жившими в Негардее, и поселился в соседней земледельческой Суре, где не было домов учения. Тут, в большом селении, скорее городе, где он родился, Рав основал свой *бет-мидраш* (13)*.

О прибытии Рава в Суру мудрецы говорят: «Проторил целину и воздвиг ограду» (14)*. Рав застал в родном селении культурный вакуум, но сумел создать вокруг себя атмосферу духовности и учености. На пустоши, открытой всем ветрам, он выстроил себе дворец Торы. С течением дней *бет-мидраш* Рава в Суре превратился в виднейшую талмудическую академию той эпохи в Вавилонии. Восемь столетий просуществовала она в Суре. Ни одна *йешива* не может гордиться столь продолжительной историей. Все то время, пока создавался Талмуд, и долгие годы после его завершения — фактически, вплоть до конца эпохи гаонов — академия в Суре оставалась одним из двух главных талмудических центров Вавилонии. Она была единственной, ни разу не менявшей своего местоположения. В определенной мере то же можно сказать и о ее подходе к изучению Торы — он существенно не изменился за века, протекшие с момента основания академии.

По сравнению с другими талмудическими академиями Вавилонии академия в Суре была в большей мере проникнута духом Эрец Исраэль. Для принятых в ней методов изучения Торы всегда оставалось характерным, с одной стороны, стремление к пшату — истолкованию текста в соответствии с его прямым смыслом, а с другой — увлечение агадическими преданиями и мистикой. И та и другая склонность отличала изучение Торы в Эрец Исраэль.

То, что окончательная редакция Вавилонского Талмуда была предпринята именно в Суре, где ею занимался глава академии рав Аши, представляется справедливым завершением процесса, начатого задолго до того Равом — своего рода венцом его деятельности. Плодом обсуждений и дискуссий Рава с товарищами и учениками стало выработанное совместными усилиями представление о будущей структуре Талмуда. В течение многих десятилетий замысел обрастал плотью. Сменялись поколения мудрецов, ученики Рава обзаводились собственными учениками, а те — своими, и так далее, пока не был завершен гигантский труд по составлению Вавилонского Талмуда. В основание колоссальной постройки легла галахическая концепция Рава, заимствованная у мудрецов Эрец Исраэль. Она позволила довести предприятие до конца, помогла подытожить результаты обсуждений и сделать конкретные выводы. Немалую роль в этом сыграл установленный Равом порядок учебы, не позволяющий утонуть в бесконечных схоластических дискуссиях.

Рабби Абу бар Ибо не называли по имени, а величали почетным титулом «Рав», ибо он действительно стал выдающимся равом Вавилонской диаспоры (15)*. Даже мудрецы и целые академии, не разделявшие его подхода, — вернее, не воспринявшие учения Рава прямо — все же усвоили его методы и концепции, которые достигли их обходным путем.

Причина успеха отчасти кроется в деликатности, с которой Рав создавал центр своего влияния в Вавилонии. Он подчеркнуто бережно относился к существовавшим там до него законоучителям и домам учения, не желая способствовать их закрытию. Даже мудрецам, изъявившим готовность признать его авторитет, таким как Шмуэль и рав Шила, Рав предоставил возможность оспаривать свое мнение. Споры между Равом и Шмуэлем фактически послужили образцом талмудических

дискуссий. Концепцию Вавилонского Талмуда можно почти без преувеличения назвать дуалистической. Как правило, различные мнения высказывают две академии, или два мудреца, уважающие друг друга. Начало такому подходу положил Рав, никоим образом не желавший подавления других концепций и мнений.

Несмотря на то, что время от времени Рав прибегал к наказаниям (16)*, многочисленные истории рисуют образ мягкого, обходительного человека. Эти Душевные качества проявлялись и в семье, и во взаимоотношениях Рава с другими людьми (17)*. Он был почителен к тем, кто стоял намного ниже его на социальной лестнице и всегда выражал готовность выслушать критику в своей адрес, причем не только из уст товарищей, но и от учеников. Порой в ответ на каверзные вопросы и нападки Рав молчит, словно пребывает в замешательстве, а ведь ему есть что сказать, разъяснения по данному поводу мы находим в других источниках. Каждому, в том числе своим близким, Рав предоставлял свободу самовыражения, давал возможность для самореализации.

Личность Рава окружал ореол святости. Это отразилось в титулах, присвоенных мудрецу учениками, таких как Рабейну га-кадош — «наш святой учитель», или «наш великий учитель, да поможет ему Господь» (18)*. По всей видимости, Рав вел себя согласно обычаям своего рода, прославленного святыми, но также в соответствии с традициями мудрецов Эрец Исраэль. От своего наставника, рабби Иегуды га-Наси, он научился довольствоваться малым, но требовал этого только от себя. Рассказывают о десяти обычаях, сопровождавших Рава всю жизнь (19)*: его никогда не видели без цицит и тфилин, он не поднимал глаз от земли, и т.п. На протяжении поколений многие стремились подражать образу жизни и обычаям Рава и доходили до крайности, пытаясь скопировать детали его поведения.

Рава отличал педагогический дар. Он заложил в Вавилоне фундамент талмудической академии — в том масштабе, какого прежде здесь не знали. Несомненной удачей Рава оказалась возвращенная им плеяда учеников, почти все они стали выдающимися законоучителями и главами своего поколения. Более того — пример Суры оказался заразительным, и подобные группы талантливых учеников возникли в других местах. Талмудическая академия, основанная Равом, во многом напоминала дома учения Эрец Исраэль, но в то же время отличалась от них. В Израиле *йешива* складывалась вокруг *бет-дина*, или Великого Сангедрина. В Вавилонской диаспоре, на базе местных обычаев, создалась собственная традиция. Она определила облик здешней талмудической академии. Пожалуй, наиболее характерным элементом этой традиции стали *ярхей калла* — регулярные учебные сессии, проводившиеся в сезон, относительно свободный от сельскохозяйственных работ. Два месяца в году мудрецы и ученики со всей страны проводили за совместным изучением Торы, собираясь в одной из академий. А промежутки между стали *ярхей калла* каждый посвящал самостоятельной учебе и готовился к обсуждению вопросов, намеченных на следующую сессию. Со времени Рава подобная форма учения стала в Вавилонии традиционной. Она существовала до тех пор, пока там пребывала Тора. *Ярхей калла* позволяли одновременно привлекать к интенсивной учебе большое количество людей. В то же время они сделали изучение и преподавание Торы делом не одних только «профессиональных» законоучителей.

Рав старательно возвращал плеяду выдающихся знатоков Торы, на которых могла бы держаться его академия, при том, что большую часть времени эти люди посвящали каждому своему ремеслу. В этом причина того, что, хотя обычай *ярхей калла* существовал прежде, лишь благодаря деятельности Рава он приобрел свое подлинное значение и размах. Учебные сессии, устраиваемые талмудической академией в Суре, послужили примером для других академий Вавилонии, и этот обычай просуществовал несколько столетий.

1. Гитин, 59А.

2. Ицхак бар Авдеми, Суммахос, рабби Элиэер бар Шимон, рабан Гамлиэль (сын рабби Иегуды га-Наси) и другие.

3. Все те тридцать дней рабби Хия, получивший порицание от Рабби, обучал Рава, сына своей сестры, законом Торы и Галахе вавилонских мудрецов. (Берешит Раба, гл.33:3).

4. Эрувин, 30Б; Ктубот, 8А; Гитин, 38Б; Бава Батра, 42А; Сангедрин, 83Б; Хулин, 122Б.

5. Ктубот, 81А.

6. Ктубот, 62Б.

7. Таанит, гл.4 2.

8. Сангедрин, 5А.

9. Баба Кама, 90Б; Эрувин, 73А; Брахот, 43А; Иерусалимский Талмуд, трактат Сангедрин, гл.3:6 и

др.

10. Иома, 87А. Поссорившись с рабби Ханиной бен Досой, Рав тринадцать лет приходил просить у него прощения накануне Судного дня, но безрезультатно.

11. Об их встрече с Равом смотри Шабат, 108А.

12. О его встрече с Равом смотри Иома, 20Б.

13. Эрувин, 100Б.

14. Эрувин, 100Б.

15. См. комм. Рашбама к Псахим, 119Б.

16. Иевамот, 52А. Рав подвергал бичеванию тех, кто нарушал брачный обычай, сожительствуя с женщиной явочным порядком, без ктубы и сватовства. Там же, 45А, рассказывается о человеке, который умер взглянув на него. А в трактате Мегила, 5Б, — о том, как Рав проклял человека, сеявшего в Пурим. Смотри также в Иерусалимском Талмуде трактат Недарим, гл.9:20 и др.

17. Йевамот, 63А, Бава Мециа 59А и др.

18. Сукка, 33А.

19. Они перечисляются в сборнике респонсов гаонов «Шаарей тшува», 178. 1. Рав не поднимал глаз выше, чем на четыре локтя. 2. Рав не ходил с непокрытой головой. 3. Рав устраивал в субботу три трапезы. 4. Рав сосредоточенно молился. 5. Рав не глядел по сторонам. 6. Рав обходил собрание людей стороной, чтобы не беспокоить их. 7. Рав не вкушал трапезы, не освященной исполнением заповеди. 8. Того, кто его злил, Рав старался умиротворить. 9. Голос его был приятен, он давал пояснения на разговорном языке. 10. Рав всегда ходил облаченным в цицит и тфилин.

ШМУЭЛЬ

Рав и Шмуэль — первая чета амораев, создателей Вавилонского Талмуда. Несмотря на то, что они выросли в разных условиях и трудились каждый на своей ниве — период их активного сотрудничества был кратким — в памяти грядущих поколений имена обоих мудрецов сохранились рядом. Их дискуссии, получившие название «споры Рава и Шмуэля» (1)*, как и более поздние «споры Абайе и Равы», легли краеугольным камнем в основание Вавилонского Талмуда.

Своим характером и обликом Рав и Шмуэль представляли прямую противоположность. Рав отличался высоким ростом и представительной внешностью. Своему росту он обязан прозвищем «Аба Ариха» — «Длинный Аба» (2)*. Что касается Шмуэля, то о его внешности в наших руках имеется живое свидетельство. Оно принадлежит женщине, и потому несколько карикатурно: маленький, черный, с большим пузом и огромными зубами (3)*. Несмотря на такое несходство — а, быть может, благодаря ему, — Рав и Шмуэль считаются парой.

В драгоценной россыпи амораев и танаев звезда Шмуэля сияет ярким светом. Личность его поистине уникальна. Шмуэль был замечательным мудрецом и главой академии, оставившим по себе славную и долгую память. При этом, в отличие от Рава и многих других мудрецов своего поколения, он не был официально посвящен в законоучители и потому титул «рав» не предшествует его имени (4)*. Шмуэль был первым из мудрецов Вавилонской диаспоры, который не удостоился формального рукоположения. По его стопам пошли другие не имевшие титула мудрецы. Звание «рав» можно было получить только в Эрец Исраэль. Быть может, причина того, что Шмуэль так и не стал «равом Шмуэлем» заключалась в происхождении: он был потомком таны Ханании, племянника рабби Йеѓошуа, который два поколения назад пытался создать в Вавилонии независимый очаг Торы (5)*. Та попытка не удалась, однако «грех Ханании», как его назвали впоследствии, не был прощен и тяготел над его потомками, включая Шмуэля.

В противоположность Раву, который большую часть своих знаний приобрел в Эрец Исраэль, где воспитывался и учился, Шмуэль был ярким и самобытным представителем Вавилонии. Расходятся мнения относительно того, бывал ли он вообще в Земле Израиля (6)*. Если принять версию, что бывал, то он еще успел поучиться у рабби Йеѓуды га-Наси. Шмуэль являлся также его личным врачом. Однако рабби Йеѓуда га-Наси ценил его не только как лекаря, но и как мудреца, сведущего в Торе, и пытался добиться посвящения Шмуэля в законоучители. Рабби так и не представился подходящий случай. В силу разных причин рукоположение откладывалось вновь и вновь. В конце концов Шмуэль произнес фразу, которую можно понимать в двух смыслах: «Видел я в книге праотца Адама запись — *хакимом* станет Шмуэль Ярхинай, а равом ему не бывать» (7)*.

Как было принято среди ученых той эпохи, Шмуэль не ограничился ремеслом врачевателя. Он постиг также астрономию. Если упоминаемый в трактате Бава Мециа Шмуэль Ярхинай действительно наш Шмуэль, то этим прозвищем (происходящим от слова «луна»), он обязан своим выдающимся знаниям в области астрономии. Шмуэль признавался, что небесные тропы

ведомы ему как дороги родной Негардеи (8)*. Врач, астроном и мудрец — в тот период подобное сочетание было беспрецедентным. В Шмуэле удивляло не то, что наряду с изучением Торы он занимался медицинской практикой — в большинстве своем мудрецы Израиля этой эпохи также владели ремеслами, как правило, они были земледельцами. Удивительным было другое — Шмуэль, уроженец торгового города, носившего отпечаток космополитизма, много занимался светской наукой. Его принадлежность к обоим мирам — Торы и научных знаний — в ту пору вызывала недоумение.

Отношение законоучителей Эрец Исраэль к Шмуэлю известно нам, в частности, из посланий рабби Иоханана к мудрецам Вавилонии. Рабби Иоханан, глава мудрецов Израиля, был моложе Рава и Шмуэля. При жизни Рава письма адресовались — «учителю нашему в Вавилонии». Когда же Рава не стало, а его роль во многом перешла к Шмуэлю, послания рабби Иоханана стали начинаться со слов «собрату и коллеге нашему в Вавилонии», без приставки «рав». Надеясь убедить рабби Иоханана, что он тоже заслуживает подобающего титула, Шмуэль прислал в Эрец Исраэль календарь, составленный им на шестьдесят лет вперед. Однако рабби Иоханана это отнюдь не привело в восторг и он лишь сдержанно заметил, что Шмуэль действительно силен в счете. Лишь после многолетних попыток Шмуэлю все же удалось убедить рабби Иоханана, что он действительно великий мудрец и знаток Торы (9)*.

Медицинская практика и занятия астрономией, а в известной мере и астрологией, послужили причиной тесных контактов Шмуэля с нееврейскими учеными. Среди его ближайших знакомых был вавилонский мудрец по имени Аблат (возможно, это сокращение имени Убалит). Их дискуссии на темы философии, астрономии и другие, касающиеся жизни в Вавилонии, приводятся в ряде мест Талмуда (10)*. Шмуэль посещал места, где собирались образованные люди его города, и охотно участвовал в обсуждении религиозных и философских вопросов — излюбленные темы их споров. В отличие от него Рав, также обладавший широким кругозором, никогда не появлялся в подобных местах. Контакты, завязанные Шмуэлем с широким миром, проистекали не только из его профессии и учености. Они в значительной мере были обусловлены его характером. Им, как и внешне, Шмуэль напоминал своего предшественника и родственника Иеѓошуа бен Хананию. Как в свое время рабби Иеѓошуа бен Ханания, Шмуэль считался в Вавилонии величайшим мудрецом своего поколения. Как и он, отличался теплотой и человечностью в отношениях с окружающими. До прибытия Рава, Шмуэль и рав Шила стояли во главе вавилонских йешив, пребывавших еще в колыбели. Рав Шила оценил величие Шмуэля. Рассказывают, что когда оба отправлялись приветствовать Главу Изгнания, рав Шила уступал Шмуэлю первенство. Шмуэль признал превосходство Рава, когда тот возвратился из Эрец Исраэль. В то же время рав Шило, по крайней мере поначалу, отказывался видеть себя третьим. И потому Шмуэль, не меряясь почетом, занял третье место сам (11)*. Способностью завязывать дружеские отношения с людьми разных сословий без ущерба для своей чести, Шмуэль напоминал отца. Оба ценили в человеке реальные достоинства, а не положение и знатность. Отец Шмуэля не раз упоминается в Талмуде. Его звали Аба бар Аба, однако Талмуд почти не называет его этим именем, предпочитая говорить об «отце Шмуэля». Это весьма необычно, поскольку называть отца по имени сына не было принято в ту эпоху — тем более что Аба бар Аба сам был выдающимся мудрецом, с чьим мнением считались даже в Эрец Исраэль (12)*. Однако мудрость и слава сына были столь велики, что затмили отца.

Шмуэль находился в очень близких отношениях с семьей Рош га-Гола. В то время этот пост занимал Мар Уква, человек мягкого нрава, избегавший почета и посвятивший себя благотворительности. Быть может, благодаря тому общему, что у них было, Мар Уква и Шмуэль лучше остальных понимали друг друга. В тот период Рош га-Гола еще не приобрел того положения, каким обладал впоследствии, когда власти официально признали его «князем иудейским». Вместе с тем, уже тогда в руках Рош га-Гола сосредоточились широкие полномочия, касающиеся, в частности, гражданского судопроизводства. Близкие отношения, сложившиеся между Шмуэлем и семьей Рош га-Гола, в большой мере способствовали тому, что влияние Шмуэля на еврейское судопроизводство в диаспоре было исключительно велико. В этой сфере оно значительно превосходило влияние других мудрецов. Правда, официально Шмуэль не занимал при Рош га-Гола должности «придворного мудреца» (этого поста еще не существовало), но был, пожалуй, самым близким его советником. Именно потому он играл главную роль в системе судопроизводства Рош га-Гола.

Шмуэль больше других мудрецов занимался гражданскими исками и разбором дел, связанных с разными аспектами судопроизводства — от земельных споров до компенсаций за нанесенный ущерб. Не случайно в вопросах о запретном и дозволенном Галаха следует мнению Рава, тогда как

законы гражданского судопроизводства — прерогатива Шмуэля (13)*. Это означает, что мудрецы последующих поколений пришли к выводу, что большое количество галахических преданий из Вавилонии и Эрец Исраэль, а также способность интегрировать их в стройную систему, обеспечили Рава преимущество. Однако в вопросах гражданского права, которые затрагивают повседневную жизнь, Шмуэль превосходит Рава. Рав предстает, в известной мере, «теоретиком» Галахи, тогда как Шмуэль является ее «практиком». Шмуэль вообще был человеком кипучим, деятельным, погруженным в окружающую действительность. Он отлично разбирался в массе научных и практических вопросов, а также в общественных проблемах. Его подход к человеку и обществу был подходом врача и мирового судьи, а не кабинетного теоретика.

И действительно, в тех случаях, когда нам удастся найти точку, в которой мнения Рава и Шмуэля расходятся, Шмуэль почти всегда приводит доказательства, взятые не «сверху», а «снизу», из повседневного жизненного опыта. Он умеет видеть проблемы так, как их видят и ощущают другие люди — и в соответствии с этим ставит вопрос. Спор между Равом и Шмуэлем по поводу толкования стиха Книги Эстер проливает некоторый свет на различия их подходов (14)*. В Книге Эстер говорится, что страж жен царских, проникшись симпатией к Эстер, отличал ее среди других женщин (Эстер, гл.2:9). Рав полагал, что расположение стража выражалось в том, что он снабжал Эстер кашерной пищей. Но Шмуэль, лучше знавший жизнь, утверждал, что добросердечный надсмотрщик угощал ее свининой. Концепция добра, которой придерживался Рав, понятна: «доброе» — значит правильное, достойное, истинное. Однако Шмуэль хорошо понимал психологию гаремного служителя-нееврея. Страж жен желал, чтобы персидский владыка остановил свой выбор на Эстер, сделав ее царицей. Какая же пища, по мнению евнуха, могла больше способствовать женской привлекательности?..

В приведенном выше примере как в капле воды отражаются глубокие личные и мировоззренческие различия между двумя мудрецами. Они проявляются и в других спорах, касающихся многих куда более серьезных и важных тем.

Разногласия Рава и Шмуэля были обусловлены также их непростыми личными отношениями. Рав чувствовал, что его прибытие в Вавилонию создает новый центр тяжести, и ему казалось, что это несправедливо по отношению к Шмуэлю. Поэтому Рав всячески подчеркивал свое уважение к нему.

Вместе с тем создается впечатление, что Рав не сумел по достоинству оценить знаний и творческой мощи Шмуэля, который из скромности всегда скрывал свои таланты. С эпохи этих двух мудрецов в Вавилонии начинается расцвет талмудических академий. Они ускоренно развиваются в двух главных центрах. Академия в Суре растет под покровительством своего основателя, Рава, а ее сестра скорее следует путем Шмуэля. Поначалу вторая академия располагалась в Негардее, но в ходе многочисленных войн между Римом и Персией она была разрушена и все или большая часть мудрецов перебрались в Пумбедиту, где отныне возник новый центр еврейской учености. Из поколения в поколение обе йешивы сохраняли отпечаток личности двух великих мудрецов, стоявших у их истока.

Академия в Суре столетия спустя после смерти Рава оставалась проникнутой духом Эрец Исраэль. Этот дух выражался в глубинной связи с учением мудрецов Земли Израиля. Для мудрецов Суры была характерна тяга к исчерпывающим заключениям, широким обобщениям, а также увлечение мистикой и каббалой. Академия в Пумбедите, напротив, больше отвечала характеру Шмуэля, она росла из местной, вавилонской почвы. Мудрецы Пумбедиты меньше занимались всеохватывающими универсальными проблемами, зато уделяли повышенное внимание делам и заботам этого мира. Они также лучше разбирались в окружающей жизни и обладали большими знаниями в областях, не связанных с Торой.

Как и многие представители его поколения, Рав не сумел по достоинству оценить богатые возможности Шмуэля, который не любил выпячивать своих заслуг и предпочитал держаться в тени. Однако, несмотря на скромность, Шмуэль ни разу не уступил, отказавшись от своего мнения, и не изменил принципиальных подходов. Никого не задевая, с присущей ему манерой избегать столкновений и споров, угрожающих перерасти в конфликт, Шмуэль мало-помалу создавал свою собственную оригинальную школу.

Шмуэль был моложе Рава и пережил его. После кончины учителя многие ученики Рава собрались вокруг Шмуэля. В его академии они овладели рядом ценных преимуществ, которыми отличалась школа Шмуэля — например, в области судопроизводства. Несомненное преимущество заключалось также в большей близости к повседневной жизни и ко двору Главы Изгнания.

После Шмуэля не осталось сыновей. Но его ученики, и ученики его учеников не свернули с пути

учителя. Создание Талмуда потребовало труда нескольких поколений. Благодаря ученикам Шмуэля, его подход, быть может, даже в большей степени, чем учение Рава, определил облик и суть Вавилонского Талмуда.

1. Брахот, 19Б.
2. Хулин, 137Б.
3. Недарим, 50Б.
4. Бава Меция, 85Б.
5. Брахот, 63А. Иерусалимский Талмуд, трактат Недарим, гл. 68.
6. См. Бава Меция, 85Б. Есть разные точки зрения на то, является ли в действительности упомянутый там Шмуэль Ярхиной великим аморой Шмуэлем, или это другой мудрец, чье имя встречается только здесь.
7. Бава Меция, 85Б Арамейское слово *хаким* одновременно означает «мудрец» и «врач».
8. Брахот, 58Б.
9. Хулин, 95Б.
10. Шабат, 129А, 156А; Авода Зара, 30А.
11. Иерусалимский Талмуд, трактат Таанит, гл. 4:2.
12. Бава Меция, 90А; Иевамот, 105А.
13. Мегила, 13А.
14. Мегила, 13А.

РАББИ ИОХАНАН

Рабби Иоханан был крупнейшим аморой Эрец Исраэль. Личность его несомненно занимает одно из центральных мест в талмудической литературе. Традиция считает рабби Иоханана редактором Иерусалимского Талмуда. И действительно, хотя деятельность амораев Эрец Исраэль продолжалась еще много поколений после его смерти, рабби Иоханан сыграл в создании Иерусалимского Талмуда главную роль. Его влияние прослеживается не только в Иерусалимском, но в немалой мере и в Вавилонском Талмуде. В обоих на каждом шагу фигурирует личность рабби Иоханана и приводятся его высказывания — как галахического, так и агадического содержания.

Деятельность рабби Иоханана фактически охватывает два поколения. При жизни он был наиболее влиятельной и уважаемой персоной в еврейском мире. Его учение — как воспринятое из уст рабби учениками, так и разошедшееся повсюду, где жили евреи, — служило своего рода точкой отсчета, позволявшей ориентироваться в жарких спорах, кипевших в то время в еврейском мире. Хотя мнение рабби Иоханана разделяли далеко не все современники и потомки, тем не менее повсюду, а особенно в Эрец Исраэль, в вопросах религиозного законодательства его голос звучал авторитетнее прочих. В Иерусалимском Талмуде и, в конечном счете, в Вавилонском, Галаха почти всегда следует мнению рабби Иоханана. Его авторитет, подкрепленный значением Эрец Исраэль, склонял чашу весов, даже когда напротив находился один из великих мудрецов Вавилонии, Рав или Шмуэль, а то и оба вместе.

Об огромной славе рабби Иоханана свидетельствует послание братьев одного из величайших вавилонских амораев, Рабы бар Нахмани. Братья переселились в Израиль и в письме пытаются убедить Рабу последовать их примеру. «Если ты скажешь, что здесь не найдется тебе учителя, — пишут они, — то знай, что и для тебя найдется рав, рабби Иоханан» (1)*. И в самом деле, после кончины Рава и Шмуэля многие их ученики перебрались в Эрец Исраэль, чтобы продолжить изучение Торы у рабби Иоханана. Большое число учеников осталось там навсегда, и потому плод их творчества можно рассматривать как преимущественно израильский. А часть превратилась в настоящих фанатиков Земли Израиля и ее Торы, отзываясь о своей родной Вавилонии с подчеркнутым пренебрежением (2)*. О рабби Зеире рассказывают, что прибыв в Эрец Исраэль с целью учиться у рабби Иоханана, он постился сто дней, дабы позабыть Вавилонский Талмуд и очиститься для изучения Торы мудрецов Израиля, которую не желал смешивать со знаниями, приобретенными в изгнании (3)*. Вместе с тем сам рабби Иоханан не был столь бескомпромиссным приверженцем Земли Израиля и ее Торы. Он с большим уважением относился к мудрецам Вавилонской диаспоры.

Рабби Иоханан отличался долголетием и дожил до глубокой старости. В юности он учился в *бет-мидраше* рабби Иегуды га-Наси (4)*, хотя не считался учеником самого Рабби. Его учителями были лучшие питомцы рабби Хи́и — рабби Ошея, рабби Янай и Хизкия, сын Хи́и. С той поры деятельность рабби Иоханана не прекращалась два полных поколения. Его выдающиеся способности признавали уже наставники, не скупившиеся на похвалы. Талант и знания рабби

Иоханана чуть ли не с детства вызывали всеобщее восхищение. Оно сопровождало его на протяжении всей долгой жизни. Бессменно возглавляя йешиву, рабби Иоханан было окружен преклонением своих учеников, а позже и учеников своих учеников.

Слава и величие не свалились на голову рабби Иоханана с неба. О его семье нам неизвестно ничего, кроме имени — рабби в глаза и заочно называли бар Напха («сын кузнеца») (5)*. Мы знаем также, что юность рабби Иоханана протекала в жестокой нужде, и в какой-то момент он даже решил оставить учение, чтобы заняться торговлей (6)*. Впоследствии рабби Иоханан рассказывал ученикам о скромном наследстве, которое позволило ему продолжать занятия Торой: «Поле то было моим, но я продал его, чтобы учить Тору»; «Виноградник тот моим был, но я продал его, чтобы учить Тору»; «Дом тот был моим, но я продал его, чтобы учить Тору» (7)*. Лишившись всего имущества, рабби Иоханан впал в крайнюю нищету, от которой избавился лишь встав во главе йешивы. Это назначение позволило ему вести достойное существование.

Жизнь не баловала рабби Иоханана. Он испытал немало страданий, и не только из-за своей бедности. Десять сыновей родились у него, и всех их он пережил. Рассказывают, что он хранил косточку или зуб последнего сына и показывал всякому, кто жаловался на судьбу, говоря: «Вот кость моего десятого сына» (8)*.

Рабби Иоханан славился своей красотой. О нем говорили, что он был одним из самых красивых людей, когда либо живших в мире. Прекрасное поэтическое описание внешности рабби Иоханана сохранил Талмуд. Красота рабби Иоханана уподоблена в нем новому серебряному кубку, наполненному алыми гранатовыми зернами и поставленному на границе солнечного света и тени (9)*.

Обожание, окружавшее рабби Иоханана, в сочетании с преследующими его несчастьями, обострили природную чувствительность его натуры (10)*. Рабби болезненно реагировал, когда кто-то цитировал его слова без ссылки на него (11)*. Очевидно, он усматривал в своих словах и учении нечто неповторимое, вечное, чему суждено было пережить его. После того, как прервались внешние связи рабби Иоханана с миром — как семейные, так и имущественные — он всецело сосредоточился на учении, и Тора стала единственным содержанием его жизни, заполнив всю ее без остатка.

Рабби Иоханан погрузился в Тору настолько глубоко, что практически перестал покидать дом учения. В стенах *бет-мидраша* он обрел тот мир, который избрал еще в юности и где пребывал долгие-долгие годы — всю свою большую жизнь. По этой причине роль политика, вождя, оставалась чуждой ему, несмотря на огромный авторитет рабби, способный склонить чашу весов в любую сторону, и вопреки тому, что все окружающие — и мудрецы Эрец Исраэль, и Вавилонии, и сам nasi Сангедрина, потомок Гилеля — единодушно изъявляли готовность последовать любому его указанию.

Огромная заслуга рабби Иоханана состояла в том, что он выработал исследовательский подход, который лег в основу Иерусалимского Талмуда. Мудрецы, предшествовавшие ему, по сути пытались продолжать дело рабби Иегуды га-Наси. Они составляли сборники *барайт* и занимались ювелирной текстологической шлифовкой Мишны. В то же время рабби Иоханан стал первым выдающимся аморей Эрец Исраэль. Он посвятил свои силы созданию Талмуда.

Приступая к исполнению замысла, рабби Иоханан столкнулся с необходимостью обосновать центральную роль Мишны. С этой целью он разработал фундаментальное галахическое правило, согласно которому Галаха всегда вытекает из самой мишны (12)*. Все крупнейшие *поским* — законоучители более позднего периода, а в особенности Маймонид, придерживались этого правила. Оно чрезвычайно укрепило авторитет Мишны, ставшей отныне главным источником Галахи. Смысл этого правила в том, что галахические формулировки, содержащиеся в ней, получили статус закона — в отличие от иных подходов, представленных либо в самой Мишне, либо в околомिशнаитских источниках, успевших к тому времени изрядно поднакопиться. В отличие от рабби Иоханана, другие мудрецы напротив, стремились расширить круг высказываний танаев, служивший источником мишнаитской Галахи. Тем самым они в известной мере восстанавливали в правах обширный материал, выпущенный рабби Иегудой га-Наси при составлении Мишны. А это, в свою очередь, порождало новые марафонские дискуссии по каждому обсуждаемому вопросу. Подобному явлению рабби Иоханан положил конец. Он возвратился к исходному тексту Мишны, как он была сформулирован и записан рабби Иегудой га-Наси. Рабби Иоханан ввел и еще одно правило, естественно вытекающее из первого: истинность Галахи, не записанной в Мишне, подвергается сомнению.

Он любил повторять: «Если сам Рабби не учил этому, откуда мог взять рабби Хия?» Рабби

Иоханан вновь сосредоточил внимание на изучении оригинальной версии Мишны, из текста которой можно было делать необходимые галахические выводы. Правило, гласившее что Галаха всегда вытекает из мишны, раз и навсегда сформировало принцип, согласно которому основные галахические постановления, имеющие силу в еврейском мире, зафиксированы в Мишне.

Хотя сам рабби Иоханан искренне наслаждался хитроумными полемическими доводами, которые приводили его ученики, он неизменно склонялся к истолкованию текста по его прямому смыслу. Избегая казуистики и не закапываясь в излишнее теоретизирование, рабби Иоханан стремился к полному и целостному пониманию каждой мишны как законченной смысловой единицы. Его подход, по преимуществу комментаторский, тем не менее не игнорировал и вновь возникающих проблем. Однако рабби Иоханан стремился привязать эти проблемы к уже существующим мишнам, не отклоняясь от принятой традиции. В отличие от существовавшей в Вавилонии манеры вести по каждому поводу изощренные дискуссии, путь, которым двигался рабби Иоханан (со временем он стал путеводной нитью Иерусалимского Талмуда) вел прямо к существу дела, к постижению оснований, не отклоняясь от темы и не вовлекаясь в обсуждение далеких от практической реальности проблем. Только в Эрец Исраэль за праздные вопросы мудреца могли удалить из дома учения — как это случилось, например, с рабби Иермией (13)*. В Вавилонии, конечно, неоправданные отступления от темы не спровоцировали бы никаких санкций.

Другой отличительной чертой рабби Иоханана, также характерной для мудрецов Израиля, было стремление к определенным итогам и галахическим выводам. Этим объясняется неуклонная тенденция рабби основываться лишь на ясных, не вызывающих сомнения источниках. Он не желал терять время на возведение конструкций, покоящихся на песке и не выдерживающих текстологической критики. В отличие от других мудрецов, которые пытались разглядеть за разногласиями далеких друг от друга мнений некую гармонию и старались примирить разные точки зрения, рабби Иоханан был заинтересован в исследовании хорошо известных положений, с целью извлечения из них конкретных законодательных выводов. Потому он не утруждал себя углубленным изучением существовавших в его время источников, которые содержали высказывания танаев. Рабби Иоханан не видел надобности заниматься тем, что не соответствовало взятому им в галахическом законодательстве курсу. Этому курсу он придерживался на протяжении двух поколений, пока оставался духовным вождем еврейского народа.

Взаимоотношения рабби Иоханана с другими мудрецами складывались весьма неоднозначно. К вавилонским амораям, Раву и Шмуэлю, он относился с уважением и высоко ценил обоих. Рава он помнил еще с той поры, когда тот учился в Эрец Исраэль (14)*, а со Шмуэлем на протяжении многих лет вел переписку (15)*. Ученики Рава и Шмуэля, нашедшие приют под сенью его йешивы, с течением времени превратились в ее столпов. Они же служили рабби Иоханану источником информации обо всем, происходившем в Вавилонской диаспоре. Существует немало свидетельств того, что рабби Иоханан искренне восхищался мудростью вавилонских законоучителей, убеждаясь, что они опередили его, придя к тем же галахическим выводам, которые он сделал позже. Взаимоотношения рабби Иоханана со своими учениками в Эрец Исраэль были непростыми. Период его пребывания в Тверии нельзя назвать порой экономического расцвета, но все же то было относительно спокойное время. Рабби Иоханан воспользовался им, чтобы собрать вокруг себя как можно больше учеников со всех концов диаспоры. Самым близким из них, кроме шурина, Реш Лакиша, был рабби Эльзар бен Педат. Он слыл великим знатоком учения рабби Иоханана и впоследствии стал его главным последователем. Однако, как принято у мудрецов Талмуда, рабби Эльзар отнюдь не всегда соглашался с учителем и подчас вступал с ним в споры. Характер их отношений хорошо иллюстрирует такой пример: однажды рабби Эльзар рассказал об открытии, сделанном рабби Иохананом в Торе, но имени учителя при этом не упомянул. Как уже говорилось, рабби Иоханан был чрезвычайно чувствителен к подобным вещам, как в силу особенностей своего характера, так и потому, что тщательно оберегал непрерывность традиции. Поступок ученика уязвил его. Другие ученики пытались умиротворить рабби Иоханана. Один из них, рабби Яков бар Иди, сказал: «Разве ко всему, что говорил Иеѓошуа, он добавлял сказал мне Моше? Иеѓошуа просто учил, но все знали, что его Тора — это Тора Моше» (16)*.

Рабби Иоханан любил рабби Эльзара больше других. Он приоткрыл перед ним иную, более мягкую грань своей натуры. Однажды рабби Эльзар слег, и учитель пришел навестить его. В доме, где лежал больной, было темно. Тогда рабби Иоханан обнажил предплечье, и от белизны его кожи засиял свет. В этом свете рабби увидел, что глаза ученика мокры от слез. «О чем ты плачешь? — спросил он рабби Эльзара. — Если из-за Торы, которую недоучил — что ж, так

ведется, одному больше, другому меньше. Главное, чтобы сердце было устремлено к небесам. Если из-за бедности — да, в этом мире не каждый удостоивается богатства. А если скорбишь о потерянных сыновьях — посмотри, вот косточка моего десятого сына». Ответ рабби Эльзара проясняет сущность его взаимоотношений с учителем, а также, в известной мере, отношение к рабби Иоханану его современников: «Не о себе я плачу, а о красоте рабби Иоханана, которая истлеет во прахе». Рабби Иоханан сел и заплакал вместе с ним (17)*. В глазах многих современников рабби Иоханан являлся олицетворением величия и красоты. Кончина обожаемого учителя, его уход из мира, представлялась им настоящей катастрофой. Казалось, со смертью рабби Иоханана прервется нормальное течение жизни.

В рассказе, приведенном выше, рабби Иоханан предстает еще и чудотворцем. «Возлюблены ли тобою страдания?» — участливо и в то же время шутливо спрашивает он ученика. «Не они, ни награда за них», — отвечает тот. Тогда рабби Иоханан простирал к страждущему десницу и исцеляет его прикосновением. В других местах, правда, не столь явно, рабби Иоханан также фигурирует в качестве чудотворца и знатока Тайного Учения. Это учение от него восприняли некоторые его ученики — например рабби Ами и рабби Аси.

1. Ктубот, 111 А.
2. Смотри, например, Бейца, 16А: «Сказал рабби Зейра: эти недалекие вавилонцы...» и т.д.
3. Бава Меция, 85А.
4. Псахим, 3Б; Хулин, 137Б (см. прим.15 к этой главе); там же, 54А.
5. Ктубот, 25Б; Бава Меция, 85Б и др.
6. Ильпа и рабби Иоханан вместе учились. Они были очень бедны. Как-то раз они держали совет и порешили заняться торговлей. «Кто знает, не исполнится ли над нами сказанное: «А нищего не будет у тебя» — подумали они. Отправились на поиски счастья и богатства. В пути устроили привал под какой-то ветхой стеной. Явились два ангела, и рабби Иоханан услышал, как один говорит другому «Обрушим на них эту стену и умертвим обоих. Вот люди, пренебрегшие благом Будущего мира ради сиюминутных нужд!» «Пощадим их, — ответил ему другой, — ведь одному из них предстоит исполнить великую миссию» Эти слова понял только рабби Иоханан, а Ильпа ничего на услышал.
— Слыхал? — спросил его рабби Иоханан.
— Нет, — ответил Ильпа.
Раз я слышал, а он нет, — подумал рабби Иоханан, — значит высокое предназначение обещано мне.»
— Я решил вернуться назад, — сказал он Ильпе, — и позаботиться о своей душе. А что касается бедности — ну что ж, сказано ведь «Не переведется нуждающийся на земле». (Таанит, 21А).
7. Ваикра Раба, гл. 30:1, Шир га-Ширим раба, гл 8.
8. Брахот, 5Б.
9. Бава Меция, 84А.
10. Бава Кама, 117А, там же, 75А, Бава Меция, 84А. В Иерусалимском Талмуде — трактат Брахот, гл 21.
11. Иерусалимский Талмуд, трактат Брахот, гл.2 1.
12. Шабат, 56А; там же, 81Б Эрувин, 92А и др.
13. Спросил рабби Иермия «А что, если одна нога внутри пятидесяти локтей, а другая вне пятидесяти локтей?» И за это вывели рабби Иермию из *бет-мидраша* (Бава Батра, 23Б).
14. «Я сидел семнадцатью рядами ниже Рава и помню, что когда между ним и Рабби разгорался спор, молнии били из уст одного в уста другого, и я не в силах был постичь их мудрости» (Хулин, 137Б).
15. Хулин, 95Б.
16. Иерусалимский Талмуд, трактат Шкалим, гл.2 5, там же, трактат Брахот, гл.2 1. Вавилонский Талмуд, Иевамот, 96Б, а также Мидраш Шмуэль 19, там где говорится о рабби Меире, ученике рабби Акивы.
17. Брахот, 5Б.

РЕШ ЛАКИШ

Именем «Реш Лакиш» называли выдающегося амору Эрец Исраэль, рабби Шимона бен Лакиша. Его прозвали так не случайно. Как видно, это имя связано с историей жизни рабби. Биография Реш Лакиша известна нам лишь частично, и она поражает своей необычностью. Личность мудреца также удивительно своеобразна. Реш Лакиш выделяется даже в ряду колоритных фигур мудрецов

Талмуда.

Реш Лакиш был плотью от плоти Эрец Исраэль. Здесь он рос и воспитывался, по всей видимости в Тверии, или ее окрестностях. Хотя мы не располагаем тому надежными свидетельствами, есть основания предполагать, что в юности Реш Лакиш регулярно посещал *бет-мидраш* и изучал Тору у нескольких выдающихся законоучителей своего поколения (1)*. Но затем, то ли из-за своей бедности, то ли по иной причине, Реш Лакиш на время покинул мир Торы.

Тот период — конец третьего века — был тяжелым временем для Эрец Исраэль. Именно тогда начались систематические попытки римских властей изгнать остатки еврейского населения из страны. Притесняющие указы следовали один за другим. Особенно тяжкие гонения выпали на долю земледельцев. Налоговое бремя (под тяжестью которого, возможно, в конце концов и рухнула Римская Империя) с возрастающей силой давило на представителей меньшинств, а так же на тех, кто еще сохранял личную независимость и не имел могущественного патрона. В подобных обстоятельствах Реш Лакиш был вынужден отказаться от продолжения учебы и искать источник пропитания. Всю жизнь он славился незаурядной физической силой. Как видно, не найдя другого выхода, Реш Лакиш избрал смертельно опасную, но хорошо оплачиваемую профессию. Он нанялся в гладиаторы.

Выйдя на арену цирка, Реш Лакиш покинул не только мир мудрецов, мир учения. В определенной мере, он оказался за рамками человеческого общества как такового. Жизнь гладиаторов протекала в особых условиях. Эти люди, которые в силу своей жестокой профессии не могли рассчитывать на долголетие, знали, что рано или поздно им суждено пасть в поединке. Они вели разгульный образ жизни, пытаясь утопить в сиюминутных удовольствиях мысли о будущем. Кровопролитие, пренебрежение к человеческой жизни составляли неотъемлемую часть их мира, их повседневности. Приобщение к цеху гладиаторов, к их образу жизни означало, по сути, полный разрыв с культурным миром, с человеческим обществом.

Неизвестно, на какой арене бился Реш Лакиш и сколько времени он оставался гладиатором. Как видно, этот период его жизни оказался достаточно длительным, чтобы доставить Реш Лакишу славу циркового бойца. Подобной славой он мог насладиться, конечно, только в Кесарии и других подобных местах, где доминировало нееврейское население, преданное цирковым забавам.

В Талмуде, в трактате Бава Меция, рассказывается о том, каким образом Реш Лакиш вернулся в мир Торы. Однажды рабби Иоханан, известный своей красотой, купался в Иордане. Мимо проходил Реш Лакиш, увидел его и тоже прыгнул в воду. Рабби Иоханан, пораженный физической мощью Реш Лакиша, сказал ему с восхищением: «Такую бы силищу — Торе!» Будет лучше, если свои незаурядные физические способности Реш Лакиш посвятит служению Торе. А Реш Лакиш, пораженный красотой рабби Иоханана, в свою очередь с восхищением воскликнул: «Такую бы красоту — женщинам!» И тогда они заключили своеобразную сделку: Рабби Иоханан пообещал выдать за Реш Лакиша свою сестру, не уступающую брату красотой, а Реш Лакиш пообещал возвратиться к изучению Торы и посвятить этому все силы (2)*.

После того, как Реш Лакиш вернулся в дом учения, прошло совсем немного времени и выяснилось, что его интеллектуальный потенциал исключительно велик, а духовная мощь не уступает физической. В краткий срок он выдвинулся в число выдающихся мудрецов *бет-мидраша* в Тверии, которая тогда служила признанной столицей Торы. В Тверии собрались мудрецы со всего еврейского мира и, в частности, из Вавилонии. Центром притяжения для них служил, конечно, несравненный рабби Иоханан. Переворот, происшедший с Реш Лакишем после возвращения в мир Торы, не был неожиданным. Всю свою жизнь Реш Лакиш оставался человеком крайностей. Таким он зарекомендовал себя и в стенах йешивы — в стенах, которые оставил в юности, а теперь обрел вновь. О нем рассказывают, что однажды, услышав от рабби Иоханана, что человеку в этом мире запрещено наполнять уста смехом, Реш Лакиш до конца жизни больше ни разу не рассмеялся (3). Рассказывают также, что он никогда не вел публичных бесед с человеком, чья порядочность вызывала его сомнение. Доходило до того, что о человеке, с которым Реш Лакиш беседовал на рынке, говорили, что ему можно ссужать деньги без поручителей (4)*. Более того: впоследствии, когда мудрецы обсуждали достоверность той или иной галахической традиции, достаточно было установить, соглашался или отказывался Реш Лакиш разговаривать с ее передатчиком, чтобы признать традицию или отвергнуть (5)*.

Особые взаимоотношения сложились между Реш Лакишем и рабби Иохананом в процессе изучения Торы. Участие Реш Лакиша обычно придавало обсуждению остроту. Он любил задавать трудные вопросы. Стоило рабби Иоханану затронуть ту или иную тему — Реш Лакиш тут же нагромождал вокруг нее груды вопросов. Он подвергал сомнению как сами источники, так и их

интерпретацию. Заметная часть не только Иерусалимского, но и Вавилонского Талмуда посвящена спорам рабби Иоханана с Реш Лакишем. По всей видимости, Реш Лакиш не задавался целью действительно опровергнуть мнение учителя, доказав его неправоту. Его вопросы способствовали углублению в суть обсуждаемого материала. Очевидно, именно с этой целью они и задавались. Во всяком случае, так к ним относился сам рабби Иоханан. Рассказывают, что после смерти Реш Лакиша рабби Иоханан горевал, что лишился лучшего оппонента, какого только мог пожелать. Место Реш Лакиша попытался занять один из мудрецов, славившийся остротой ума и изобретательностью суждений. Выслушав рабби Иоханана, он неизменно добавлял: «И есть барайта, подкрепляющая мнение рабби», после чего приводил довод в пользу точки зрения, высказанной рабби Иохананом. В конце концов тот сказал ему: «Почему ты не сын Лакиша? Тот на каждое мое слово выдвигал две дюжины возражений, и я должен был разрешить двадцать четыре противоречия. Само собой, что после стольких разъяснений не оставалось никакого сомнения. А вы все говорите мне: «Прекрасно сказал рабби!» Что же, я сам не знаю, что красиво говорю?» (6)* В другой раз рабби Иоханан продемонстрировал характер своих отношений с Реш Лакишем следующим оригинальным способом. Однажды Реш Лакиш публично толковал Тору. Как обычно, он продемонстрировал остроту ума и блеск суждений, но своими высказываниями глубоко уязвил Главу Сангедрина. Наси пришел в ярость и распорядился схватить его. Спасаясь от ареста, Реш Лакиш бежал из дома учения. На следующий день Глава Сангедрина обратился к рабби Иоханану с просьбой выступить со словами Торы. В ответ рабби Иоханан молча сделал движение, будто пытался аплодировать одной ладонью. Этот понятный всем жест означал, что «без Реш Лакиша я также не способен издать ни звука, как одна ладонь без другой» (7)*. Рабби Иоханан нуждался в Реш Лакише для создания специфической атмосферы дома учения, атмосферы продолжительных дискуссий, внимательного изучения возникающих проблем, разбора осложнений и поиска компромиссов.

О личной жизни Реш Лакиша, в том числе после его возвращения к Торе, мы знаем немного. Женившись на сестре рабби Иоханана, он счастливо прожил с ней долгие годы (8)*. Жена родила Реш Лакишу детей, и младший из них «янука (мальш) Реш Лакиша», как именует его Талмуд, еще в детстве выделялся остроумием и находчивостью (9)*. Вероятно, он не дожил до зрелых лет. Среди мудрецов следующего поколения мы не найдем сыновей Реш Лакиша.

Разногласия между рабби Иохананом и Реш Лакишем Галаха почти всегда разрешает в пользу первого. Вероятно, с этим был согласен и сам Реш Лакиш. Вместе с тем, в нескольких случаях Реш Лакиш доказал свою правоту и Галаха следует его мнению. Несмотря на то, что рабби Иоханан явно доминировал в их отношениях, образ Реш Лакиша сопровождает его не как отражение или тень. Реш Лакиш был самостоятельной личностью, мудрецом, имеющим собственные суждения и взгляды. Он многому научился у рабби Иоханана, но немало воспринял и от других мудрецов (10)*. Бывало и так, что в полемике с рабби Иохананом Реш Лакиш опирался на знания, приобретенные еще в юности.

В характере Реш Лакиша скромность и даже смирение удивительным образом сочетались с остроумием. Он бывал резок в споре и обычно занимал крайние идейные позиции. Когда дело касалось лично его, Реш Лакиш проявлял редкое миролюбие. Он избегал конфликтов, даже если из-за чрезмерной покладистости оказывалась затронута его честь. Но если речь заходила о принципах, Реш Лакиш высказывался прямо и весьма нелицеприятно. В таких случаях снисхождения ожидать не приходилось никому. В своих публичных проповедях он обличал не только простой народ, но не колебался направить острие критики и против сильных мира сего. В бытность гладиатором Реш Лакиш никогда не просил пощады. Так и теперь — бывший цирковой боец стойко отстаивал собственное мнение, никому не позволяя посягать на свою духовную независимость. Даже в полемике с учителем, рабби Иохананом, Реш Лакиш сохранял независимую позицию. Она была исполнена уважения к оппоненту, но не допускала заискивания и неоправданных уступок со стороны самого Реш Лакиша.

Смерть Реш Лакиша и последовавшая затем кончина рабби Иоханана знаменовали окончание целой эпохи в изучении Торы в Эрец Исраэль, как и завершение важнейшего периода в истории Иерусалимского Талмуда. Хотя создание Иерусалимского Талмуда продолжалось, и еще несколько поколений мудрецов внесли в него свой вклад, приходится констатировать, что после кончины рабби Иоханана изучение Торы в Земле Израиля стало клониться к упадку. Померкший ореол Торы снова стал разгораться в Святой земле лишь спустя тысячелетие, когда в Галилее засиял свет учености и праведности, принесенный туда евреями, вернувшимися из диаспоры. Реш Лакиш был одним из последних мудрецов Эрец Исраэль, в котором воплотились достоинства и

особенности этой земли — ее скупость и ее щедрость, ее упорство и открытость, сама ее действительность, всегда готовая к изменениям, готовая возвратиться к истокам.

Как уже отмечалось, имя «Реш Лакиш» не было настоящим именем мудреца. Свои прозвища имелись и у других законоучителей, однако они как правило образовывались из сокращения имени. Имя «Реш Лакиш» также отчасти следует этому правилу — ведь отца рабби Шимона действительно звали Лакиш. Но к отчеству присоединилась весьма знаменательная приставка «Реш». Что означает это слово? Скорее всего, это просто аббревиатура, составленная из начальных букв слов «рабби Шимон». Однако у образовавшегося таким образом имени есть неслучайный семантический оттенок. Оно означает «главарь», указывая на соответствующую роль — не обязательно в мире Торы, среди мудрецов, но и в более широком смысле — на роль атамана, вожака. Реш Лакиш был некогда главарем шайки разбойников, и отношение окружающих к его прошлому запечатлелось в его имени. Реш Лакиш в самом деле внушал невольное почтение всем, кто его видел. Однако он внушал его не только своим богатырским обликом и романтическим прошлым — то и другое увеличивало уважение, которое вызвала у окружающих преображенная личность бывшего гладиатора, ставшего великим мудрецом. В ней прошлое сочеталось с настоящим, образуя чудесный сплав, носивший имя «Реш Лакиш».

Один из немногих споров, в котором Реш Лакиш остался победителем (его мнению последовала Галаха) — принципиальный спор о «приобретении плодов». Если все права на свое имущество один человек передает другому, переходит ли тем самым к тому и право собственности? Разногласия вокруг этого вопроса выражались в различных аспектах. Влияние его на многие области Галахи было очень велико. По сути, вопрос требует определения фундаментального понятия «приобретение», причем в данном контексте понятие это выходит за рамки юридического. В конце концов Галаха приняла точку зрения Реш Лакиша. Он считал, что приобретение «плодов» не равноценно приобретению «деревя», т.е. полное обладание плодом еще не дает права на обладание его источником. Отсюда следует, что понятия «приобретение» и «использование» не тождественны. И потому владение — особое право, отличное от права использования, каким бы всеобъемлющим не было последнее. Это положение стало чем-то гораздо большим, нежели решением одного конкретного спора. Оно определило смысл понятия «приобретение» во всей системе галахического законодательства.

Последний и самый знаменитый спор между рабби Иохананом и Реш Лакишем (11)* касался вопроса о том, на какой стадии производства холодного оружия — мечей, копий, кинжалов — заготовку можно считать готовым изделием, принимающим ритуальную нечистоту. В пылу спора рабби Иоханан вдруг с легкой усмешкой заметил: «О разбое — спрашивай у разбойника». Иными словами, в чем в чем, а в орудиях убийства его оппонент знает толк. Оскорбленный Реш Лакиш вскричал: «Раз так, что толку, что ты приблизил меня к Торе? Среди разбойников меня тоже называли «рабби». Рабби Иоханан счел подобную реакцию преувеличенной. «Мало тебе, что я возвратил тебя под сень Шехины (Б-жественного присутствия)?» — добавил он. Этот обмен резкостями, который в наши дни показался бы небольшой размолвкой, в ту эпоху повлек за собой полный разрыв. Последствия его были трагическими. Реш Лакиш вскоре после ссоры умер, а рабби Иоханан, полагавший, что причиной тому стали его раздражение и гнев, уже не мог успокоиться. Жизнь сделалась ему в тягость, его терзало мучительное раскаяние, и вскоре рабби Иоханан скончался. Он умер оплакивая своего шурина, будто свою утраченную половину. Можно сказать, что блеску и величию рабби Иоханана жесткий, мрачноватый характер Реш Лакиша способствовал как ничто иное.

1 Бава Меция, 84А; Эрувин, 65Б — Тосфот на «Реш Лакиш».

2 Бава Меция, 84А.

3 Брахот, 31А.

4 Йома, 9Б.

5 Там же.

6 Бава Меция, 84А.

7 Иерусалимский Талмуд, трактат Сангедрин, гл. 2:1.

8 Бава Меция, 84А и комментарий Раши там же Раши пишет, что Реш Лакиш жил с сестрой рабби Иоханана до самой смерти. Смотри также Таанит, 9А Там сказано, что жена пережила Реш Лакиша.

9 Таанит, 9А.

10 Среди них Бар Капара, рабби Аси, рабби Гошая, рабби Янай и другие.

АБАЙЕ

Абайе — один из самых знаменитых амораев Вавилонского Талмуда. Имя «Абайе» не было его настоящим именем. Это прозвище, связано с его биографией. Сирота, не помнящий родителей, он воспитывался в доме своего дяди по отцу, Рабы бар Нахмани, одного из виднейших амораев Вавилонии (1)*. Настоящее имя Абайе также было Нахмани. Дядя не хотел называть племянника именем своего отца и прозвал его «Абайе» — «маленьким папой», чтобы отличить от «большого». В памяти поколений настоящее имя Абайе почти не сохранилось. За исключением отдельных единичных случаев (2)*, Талмуд называет его прозвищем, данным дядей.

Детство Абайе, маленького сироты, не назовешь счастливым. Хотя его дядя славился ученостью и даже возглавлял йешиву, в доме царила нищета. Семья голодала (3)*. Абайе рассказывал, что однажды он был приглашен на трапезу к родственнику Главы Изгнания, Мараю бар Мару. Он закусил дома, и явился в гости, как ему казалось (и как подобало) сытым. Подали кушанье. Одно блюдо сменяло другое, и с каждой переменной Абайе все больше убеждался в истинности поговорки: «Когда бедняку кажется, что он сыт, он просто не знает, как голоден» (4)*. Даже после преждевременной смерти дяди, когда Абайе обрел самостоятельность и стал заметной личностью в мире Торы, его материальное положение не улучшилось. Как и его родители и дядя, Абайе не дождался старости. Генеалогия его семьи восходила к первосвященнику Эли, над чьим потомством тяготело проклятие ранней смерти (5)*. Лишь редкому из представителей этого рода удавалось продлить свои дни. Абайе дождался шестидесяти лет, а другие члены его семьи скончались, не достигнув и этого возраста (6)*.

Семейную жизнь Абайе также не назовешь счастливой. Его первая жена умерла раньше него. Овдовев, Абайе женился вторично, но и этот брак продолжался недолго. Вторая жена Абайе вскоре овдовела (7)*. Судьба Абайе представляет удивительный контраст судьбе его друга, Равы. Тот был богат, ему все удавалось, он дождался глубокой старости и родил сыновей, которые пошли по его стопам. В то же время на долю Абайе не выпало не только семейного счастья — судьба его сложилась не слишком удачно и в мире Торы. Хотя его имя часто встречается на страницах Талмуда, трудно найти Галаху, следующую мнению Абайе (8)*.

Несмотря на бедность и невзгоды, домашняя атмосфера, в которой вырос Абайе, оставалась дружелюбной и теплой. О бедствиях семьи в Талмуде сказано: «Шестидесять несчастий было в доме у Рабы» (9)*. Хотя Талмуд уделяет мало внимания частной жизни, представляется, что племянника с дядей, заменившим ему отца, связывала искренняя любовь и взаимное уважение. Однако несмотря на родственные отношения, почтение Абайе к дяде было столь велико, что он никогда, ни в лицо, ни заочно, не называл его по имени, а только мар — «господин». Жена дяди, по-видимому, и есть та женщина, чьи высказывания Абайе часто цитирует, предваряя их словами: «говорила мне мать» (10)*. Из уст воспитавшей его тетки Абайе услышал немало народных присказок, историй о чудесах и нечистой силе, о волшебных и целебных средствах. Многие из этих историй запечатлел в его пересказе Талмуд.

По иному складывались отношения Абайе с другим своим наставником, равом Иосефом (11)*. Рав Иосеф был неизменным соперником, товарищем и оппонентом Рабы в галахических спорах. К Рабе Абайе испытывал безграничное уважение, смешанное с обожанием. Впрочем, в талмудической традиции почтение к учителю, как бы оно ни было велико, вовсе не означает полного согласия с ним. Абайе не раз указывал дяде на противоречия в его словах и порой опровергал его доводы. Тем не менее, в основе их отношений лежало беспредельное уважение ученика к учителю и даже преклонение перед ним. Взаимоотношения Абайе с равом Иосефом складывались сложнее. Рав Иосеф отличался от Рабы. Он был мягче, по-иному учился и иначе учил. В отличие от Рабы, которого за полемический дар и остроту ума величали «корчевателем гор», рав Иосеф своими обширными познаниями заслужил прозвище «Синай» — его память хранила огромное количество галахических преданий, и он прекрасно разбирался в самых сложных проблемах. Абайе был его ближайшим учеником. Сидя перед равом Иосефом, он засыпал его вопросами и часто оспаривал мнение рава. Со своим учителем Абайе держался более независимо, чем с дядей — как человек, имеющий по каждому вопросу самостоятельное мнение и не желающий его скрывать. Во время учебы он не довольствовался ролью пассивного слушателя, а пытался влиять на других. На склоне дней рав Иосеф ослеп и тяжело заболел. Продолжительная болезнь губительно сказалась на его памяти, и мудрец забыл многое из того, что знал. В эти годы Абайе сделался его опорой. Он поддерживал, а в известной мере и дополнял учителя, фактически став его преемником. Не раз признавался рав Иосеф: «Я не слышал такой Галахи», на что Абайе

возражал: «Ты говорил так-то и так-то» (12)*. Рав Йосеф понимал, что болен, и доброжелательно принимал поправки Абайе. Время от времени он даже намекал на свой недуг, говоря о мудреце, чья память ослабла из-за болезни (13)*.

Поколение амораев, пришедшее на смену современникам Рабы и рава Йосефа, смело можно называть именем одной из самых прославленных в Талмуде четы мудрецов — поколением Абайе и Равы. Дискуссии, которые они вели между собой, получили название «споры Абайе и Равы». Последующие поколения считали эти дискуссии солью Талмуда, ибо в них раскрывалась его сущность. И действительно, споры Абайе и Равы во многих аспектах образуют «хребет» Талмуда. В их дискуссиях можно найти ответ чуть ли не на любой вопрос, обсуждаемый в Талмуде. Доходит до того, что когда Талмуд желает подчеркнуть, что тана рабан Иоханан бен Заккай был сведущ во всех тонкостях Галахи, содержащейся в Торе, он прибегает к анахронизму и утверждает, что рабан Иоханан бен Заккай хорошо разбирался в «спорах Абайе и Равы» (14)*.

Столкновения этих двух мудрецов исчисляются сотнями. Их споры рассеяны по всем трактатам Талмуда, и потому трудно подвести под них какой-то общий знаменатель. Мнения Абайе и Равы не совпадали по очень широкому кругу вопросов, причем расхождения были вызваны различными причинами. Мудрецы часто опирались на разные источники. Тем не менее, удается разглядеть некую внутреннюю связь, пронизывающую высказывания каждого из мудрецов — даже когда на первый взгляд их мнения кажутся внутренне противоречивыми.

Для примера возьмем один из самых известных споров Абайе и Равы, исключительно важный также с точки зрения галахических выводов. Речь идет о галахическом понятии *йеуш ше-ло ми-даат* (15)*. Когда можно констатировать, что хозяин «отчаялся» найти потерянное? В тот миг, когда вещь была утрачена, или позже, когда ему стало известно о пропаже? Решение этого частного вопроса имело далеко идущие последствия для широкой сферы галахического законодательства, связанного с потерями и находками. В частности, от него зависело определение момента, с которого потерянная вещь становится бесхозной, как и определение самого понятия «потеря». Философский аспект обсуждаемой проблемы также чрезвычайно интересен. Ведь по сути, обсуждается взгляд галахи на понятие «ретроактивность». Рава полагал, что существует *йеуш ше-ло ми-даат*, т.е. такой *йеуш*, который не зависит от осведомленности хозяина о пропаже. По мнению Равы, ретроактивной *йеуш* возможен. Абайе, отрицавший возможность «ретроактивного отчаяния», напротив, считал, что *йеуш* обусловлен осознанием утраты. Владелец должен как-то выразить свое «отчаяние». И потому до тех пор, пока ему неизвестно о пропаже, даже безвозвратно потерянная вещь не может считаться бесхозной. Оба мудреца — и Рава, и Абайе занимают в этом споре необычные для себя позиции. Ведь в других подобных случаях, из которых, казалось бы, следуют те же самые выводы, их позиции прямо противоположны. Например, в вопросе о том, с какого момента следует дисквалифицировать лжесвидетеля (16)*, Абайе придерживается той точки зрения, что все показания такого свидетеля должны быть дисквалифицированы ретроактивно — с того момента, как он дал ложное показание. В то же время Рава полагает, что дисквалификация не может происходить задним числом. Она вступает в силу только после того, как суд вынесет соответствующее решение, и после этого распространяется лишь на будущее. Однако в действительности в подобном «обмене позициями» нет ничего удивительного. Ведь различия между Абайе и Равой не исчерпываются юридическими вопросами. Они проистекают из несходства мировоззрений. Абайе, как правило, руководствуется формальными критериями, в то время как Рава — реалист. Абайе почти всегда видит проблему и подходит к ее решению с формальной точки зрения. В этом сказывается не столько влияние его дяди, Рабы, сколько влияние наставника — рава Йосефа, чья удивительная память вмещала несметное множество галахических преданий. Абайе продолжил дело учителя. Он не только впитал сокровищницу галахических традиций, которую тщательно сохранял, но унаследовал и формальный подход к Галахе.

Как и его учитель, Абайе видел сущность законодательных актов не в том, как они повлияют на общество. Он усматривал сущность законов в них самих, в их незамутненной чистоте и правильности. Таков был подход Абайе, и он придерживался его последовательно — как в тех случаях, когда требовалось применить закон задним числом, так и тогда, когда не требовалась.

Как уже говорилось, в случае со лжесвидетелем Абайе полагал, что его следует дисквалифицировать с того момента, как он начал давать ложные показания, а не после того, как суд объявил его лжесвидетелем. Дисквалификация лжесвидетеля касается самой сущности свидетельства, и потому неважно, знал ли кто-то о том, что свидетель лжет, или нет. Точно так же Абайе полагал, что потерянная вещь действительно становится бесхозной лишь с того момента,

когда владелец заметит пропажу, и несущественно, сколько времени ему потребуется на это. То, что объединяет оба случая — нежелание считаться с реальностью. Требование дисквалифицировать лжесвидетеля задним числом кажется справедливым, но на деле угрожает расстроить систему судопроизводства. А отстаивая невозможность ретроактивного *йеуша* (что также представляется весьма разумным), Абайе лишает человека, нашедшего потерянную вещь, надежды на обладание ею. Ведь на практике почти никогда невозможно установить, известно ли хозяину о пропаже и осталась ли у него надежда найти ее. В том и другом споре Абайе применяет одинаковый формальный подход: решение должно быть справедливым с точки зрения Галахи, а то обстоятельство, что на деле оно трудноисполнимо, ничего не меняет.

Хотя в двух приведенных выше примерах Галаха последовала мнению Абайе, это скорее исключение, чем правило. В подавляющем большинстве галахического законодательства предпочитало мнение Рава. Сложные интеллектуальные построения Рава оказались галахически более приемлемыми, чем формальный подход Абайе. Прагматик Рава стремился применить Галаху в реальных условиях, то есть приспособить формальный закон к живой действительности. Хотя подобные практические соображения отнюдь не всегда выдвигались в ходе обсуждения, их, тем не менее, невозможно было игнорировать. Ведь они существовали всегда. Рава пытался решить проблему, проистекающую из недостаточной согласованности галахических споров с реальным положением вещей. Он добивался соответствия между действительностью и Галахой ценой обоюдных уступок. Проблема, которую стремился решить Рава, не была скрыта и от Абайе. Но его принципиальная позиция заключалась в том, чтобы игнорировать это противоречие. В его представлении Галаха и действительность были двумя разными сферами, существовавшими каждая сама по себе. Галаха устанавливает ясные завершённые законы, близкие к совершенству. Каждый из законов наделен собственным идеальным существованием. Поиск надлежащей формы и сбережение ее неприкосновенности — само по себе важная задача. Даже если в жертву форме приходится приносить нерешенные практические, а порой и теоретические проблемы — Абайе это не беспокоит. Доводы и внутреннюю логику обычной юридической практики он с готовностью оставляет другим, как, впрочем, и обязанность учитывать последствия принятых законов для общества. То, что его заботит — сохранение в изначальной целостности, неприкосновенности и чистоте неизменных галахических принципов.

Поэтому Абайе часто готов был принять то, что оказывалось неприемлемым для его коллег — разночтения источников и концептуальные несоответствия в учении одного и того же мудреца, несовместимые друг с другом галахические позиции, ибо с его точки зрения каждая из позиций обладала самодостаточным существованием и внутри себя была истинной.

Человеческая близость между Абайей и Равой возникла вопреки совершенно несхожим мировоззрениям. Полярная противоположность взглядов отразилась в учении этих мудрецов, запечатленном Талмудом. Абайе и Рава дружили с детства. Они учились у одних и тех же учителей (17)*. Несмотря на пропасть, пролежавшую между сыном обеспеченных родителей и бедным сиротой, а позже — между обездоленным страдальцем и безмятежным баловнем судьбы, несмотря на вечные споры по многочисленным и разнообразным вопросам, дружба, завязавшаяся в раннем детстве, никогда не прерывалась.

Абайе и Рава, как и возглавляемые ими дома учения, не дискутировали по личным вопросам. Они обсуждали принципиальные проблемы, вникал и в сущность явлений. Вместе с тем различия между мудрецами основывались на разнице их характеров и несходстве взглядов на мир. Рава оставался реалистом, прагматиком, тогда как Абайе всегда тяготел к чистому Закону. Этот Закон не позволял практической юриспруденции смутить себя хитроумными житейскими доводами и не нуждался в упорядочении извне. Абайе, подобно храмовому священнику, видел свою миссию в сохранении Традиции, которой угрожали искажения. Он бдительно оберегал Закон в его первоизданной чистоте и незамутненности.

«Муж мудрый и несчастливый», Абайе не добился изменения господствовавшей в галахическом законодательстве тенденции. Галаха почти никогда не следует его мнению. Но его вклад в развитие еврейской мысли, в искусство галахической дискуссии не оценим. Образ Абайе навсегда остался рядом с образом Рава. Чета этих мудрецов подобна двум столпам, на которых зиждется здание Талмуда.

1. Рабби Йоханан — когда мать его забеременела, умер отец. Он родился — умерла мать. Так и Абайе. (Кидушин, 31Б)

2. По имени к Абайе обращался главным образом его друг, Рава. Смотри Шабат, 33А, 74А;

Недарим, 54Б и др.

3. Эрувин, 68А; Моэд Катан, 28А; Мегила, 7Б; Гитин, 371

4. Мегила, 7Б.

5. Шмуэль I, гл. 2:33.

6. Раба и Абайе происходили из дома Эли. Раба занимался Торой и дожил до сорока лет. Абайе занимался Торой и добрыми делами — и дожил до шестидесяти. (Рош га-Шана, 18А).

7. Иевамот, 64Б.

8. Сангдерин, 27А и другие места, где Галаха следует мнению Равы, кроме шести положений, принятых согласно мнению Абайе.

9. Моэд Катан, 28А.

10. Эрувин, 65А, 29Б, 66Б, 134А и др.

11. Кидушин, 33А.

12. Эрувин, 10А, 41А, 66Б, 73А, 89Б; Недарим, 41А и т.д.

13. Рав Йосеф учил: «Целые скрижали и обломки скрижалей вместе покоились в ковчеге Завета». Отсюда выводим мы, что к мудрецу, утратившему знания из-за потери памяти, не выказывают пренебрежения. (Мнахот, 99А).

14. Говорили о рабана Иоханане бен Заккае, что он не оставлял ни Торы, ни Мишны... ни малого, ни великого. Великого — «*Маасе Меркава*». Малого — споров Абайе и Равы. (Сука, 28А).

15. Бава Меция, 21Б. По поводу значения термина *йеуш* см. глоссарий.

16. Свидетель-злоумышленник — Абайе говорит, задним числом признают негодным. Рава говорит: «Отсюда и далее негоден». (Бава Кама, 72Б; Сангедрин, 27А).

17. Абаке и Рава (детьми) сидели у ног Рабы. Спросил их Раба: «Кого благословляют?» Ответили: «Милосердного». Спросил их: «А Милосердный где обитает?» Рава показал на потолок, а Абайе вышел из дома и показал на небо. Сказал им Раба: «Оба вырастете мудрецами». (Брахот, 48А).

РАВ АШИ

Рав Аши возглавлял талмудическую академию в Суре. Он считается главным доставителем Вавилонского Талмуда. Талмуд не был окончательно завершён при жизни рава Аши. На его страницах имя рава Аши упоминается в ряду трёх выдающихся мужей в истории Израиля, соединявших в себе мудрость Торы с человеческим величием и высоким социальным положением. Каждому из них в своё время принадлежала верховная власть над еврейским народом: «От дней Моше-рабейну до рабби Йегуды га-Наси не найдем Торы и величия в одном месте», и «от дней рабби Йегуды га-Наси до рава Аши не найдем Торы и величия в одном месте» (1)*. Как правило, на протяжении еврейской истории бразды политического правления и ключи от Торы пребывали в разных руках. Подобное разделение не обязательно являлось следствием политического умысла. Порой оно проистекало просто из естественной человеческой ограниченности — не каждый мудрец был способен встать у кормила правления, и немногие из власть имущих постигали мудрость Торы. Тем не менее, из поколения в поколение сохранялось стремление соединить духовное и политическое руководство в одних руках. Идеалом оставался мудрец, обладающий государственным мышлением, и государственный муж, наделенный мудростью Торы. Однако идеал, к сожалению, редко удавалось воплотить в жизнь. Поэтому рядом с политическим руководством, а порой и в оппозиции к нему, стояли духовные вожди народа, зачастую лишённые какого бы то ни было политического и общественного влияния.

Кажется странным, почему об исключительной личности рава Аши нам известно так мало. Ведь в событиях своей эпохи он играл ключевую роль. Мы не знаем, из какой семьи он происходил и, по сути, можем только гадать, как звали его отца. Можно лишь предположить, что богатство, которое помогло раву Аши утвердиться в качестве политического лидера, он приобрёл по наследству. Более того, неясно даже у кого учился рав Аши! Правда, мы встречаем его реплики в спорах с мудрецами предшествующего поколения. Но и здесь высказывания рава Аши принадлежат не ученику — они обличают зрелого мудреца. Это ощущение сохраняется и в тех случаях, когда согласно всем подсчётам рав Аши должен был быть ещё совсем юным. Уже тогда он выступает с самостоятельными суждениями, что дозволялось только самым старшим ученикам.

Вопреки таинственности, окутывающей образ рава Аши, не вызывает сомнений, что уже в молодости — быть может, не достигнув двадцати лет, — он прослыл великим мудрецом. Слава пришла к нему рано. Сомнительно, чтобы пост главы академии рав Аши занял в зрелые годы. По всей вероятности, он удостоился его лет в двадцать с небольшим. Этот факт выглядит ещё более поразительным, если мы вспомним, что в ту эпоху должность главы талмудической академии в Суре или Пумбедите считалась самой почетной в еврейском мире, причем не только в глазах

вавилонского еврейства, но и всего народа. И вот, столь высокий пост занял совсем молодой человек, почти юноша! Позже, в эпоху гаонов, упоминание имени нового главы академии сопровождалось титулом «великий царь». Из этого видно, как высоко на еврейском небосклоне взошла звезда рава Аши, несмотря на его юность. В годы его пребывания на посту главы Сурской академии йешива Пумбедиты лежала в руинах, и ее деятельность временно прекратилась. Еврейское население Эрец Исраэль стеноло под гнетом Византии, пытавшейся жестокими мерами побудить евреев к переходу в христианство. Бесконечные гонения ослабили еврейство Эрец Исраэль, и страна потеряла прежнее значение духовного центра, которое перешло к Вавилонской диаспоре. Таким образом глава Сурской академии был уже не «первым среди равных» в Вавилонии: в тот момент ни там, ни в других странах не осталось очага Торы, способного соперничать с академией в Суре. И глава этой академии считался в еврейском мире самым уважаемым руководителем.

Престиж рава Аши среди мудрецов также был необычайно высок. Например, такой выдающийся законоучитель, как Равина Первый, один из старейших и самых прославленных законоучителей своего поколения (он был старше рава Аши), видит себя не коллегой, а скорее учеником главы академии (2)*. В политике, как и в Торе, авторитет рава Аши был непререкаем. Величайший из законоучителей своего поколения, признанный вождем всего еврейства, рав Аши превосходил влиянием Главу Изгнания, и тот признал его первенство, хотя мудрец не принадлежал к дому Рош га-Гола и не состоял с ним в какой бы то ни было родственной связи.

Рав Аши, о частной жизни которого мы знаем так мало, воздвиг себе памятник, с которым не может сравниться самое великолепное надгробье. Этот памятник запечатлел духовный облик своего творца. Речь идет, конечно, о Вавилонском Талмуде. Духовный облик рава Аши рисуют не только его высказывания, приведенные в Талмуде. Черты его проступают также сквозь талмудические дискуссии и высказывания других мудрецов, в которых имя рава Аши вовсе не упоминается. Вавилонский Талмуд можно в определенном смысле назвать духовным отражением личности рава Аши — отражением образа его мысли и творческих методов. Отпечаток, наложенный им на Вавилонский Талмуд, не нуждается в провозглашении его имени. Ведь все, о чем говорится в Талмуде, прошло через руки рава Аши и носит следы его труда.

Того немногого, что нам известно о составлении и редактировании Талмуда, недостаточно, чтобы ответить на многие вопросы. Был ли этот труд связан с записью Талмуда, или сначала производился устно? Составление такого гигантского свода без записи представляется вполне возможным, ведь способ изучения Торы в ту эпоху предполагал заучивание наизусть. В таком случае Талмуд — не что иное, как неписанный «учебник», по которому в академии рава Аши изучали Устную Тору. Его можно рассматривать как «фотографию», на которой запечатлена жизнь талмудической академии в Суре того времени, включая события текущего периода, изучавшиеся темы, подходы к ним и методы учения.

Согласно традиции, сохраненной гаонами (ее можно считать вполне достоверной, поскольку она опирается на записи и тексты самих академий), рав Аши бессменно руководил йешивой в Суре около шестидесяти лет. На протяжении всех шести десятилетий рав Аши, как и другие главы академий, в течение каждого месяца *ярхей калла* разбирал какой-нибудь мишнаитский трактат с накопившимися за много поколений преданиями и толкованиями. Однако, в отличие от других, рав Аши систематизировал изложение материала. Кроме того, он установил, что на протяжении полугодия в академии изучается один из шестидесяти трактатов Мишны. Таким образом, полный цикл изучения Талмуда занимал тридцать лет. Возвращение к изученным трактатам в определенной мере сыграло роль первичной «редактуры» Вавилонского Талмуда. В нем самом она называется «первым повторением». Через тридцать лет после первого, рав Аши предпринял «второе повторение» Талмуда. Тут и там в Талмуде упоминаются различия между первой и второй версиями, отмечаются уточнения и изменения, внесенные в Талмуд при повторном изучении³. Два учебных исследовательских цикла, последовавшие один за другим, заложили (неважно, письменно или устно) структуру Вавилонского Талмуда.

Решающими факторами в создании Вавилонского Талмуда послужили выдающиеся способности рава Аши в сочетании с безграничным авторитетом, которым он пользовался у современников. Однако к двум этим факторам необходимо прибавить третий, также немаловажный: долголетие главы Сурской академии. Рав Аши дожил до глубокой старости. Шестидесять лет, проведенные на посту руководителя йешивы, позволили ему завершить дело, начатое еще в юности.

Сложность редактирования Талмуда отчасти объясняется особенностью его строения. Темы, обсуждаемые в талмудических трактатах, привязаны к соответствующим параграфам Мишны.

Однако рассуждения мудрецов Талмуда выходят далеко за рамки мишнаитского текста. Они больше напоминают дерево со множеством ветвей, чем стройную логическую систему. Направление дискуссий часто задается свободной ассоциативной связью, дискуссии легко переходят одна в другую. Таков уникальный жанр Талмуда, жанр, напоминающий, несмотря на тысячу больших и малых различий, произведение авангардистской литературы с его потоком сознания и ассоциативным сцеплением фраз.

Порой избранная для обсуждения тема скрывает в себе другую, требующую разъяснений. А когда разъяснения даны, выясняется, что за ними скрывается еще одна проблема, которую также невозможно обойти. Талмудическая дискуссия все дальше отклоняется от исходной точки. Она течет, переходя от вопроса к вопросу, чтобы затем вновь вернуться в главное русло, иногда через несколько строк, иногда — страниц. По этой причине галахические постановления часто содержатся в трактатах, посвященных весьма отдаленной теме. Так, законы траура попадают в трактат Моэд Катан, где говорится о работах, разрешенных и запрещенных в полупраздничные дни. Законы Хануки помещены в трактате Шабат, где речь идет о субботе, а правила наложения тфилин — в трактате Мнахот, посвященном храмовым приношениям. Правда, подобное расположение нельзя назвать совершенно произвольным — определенная тематическая связь все же прослеживается. Но она скорее ассоциативная, нежели логическая.

Уникальность талмудического жанра легко увидеть, сравнив его с другой книгой, содержащей строго упорядоченное изложение Галахи — «Яд Хазака» Маймонида. В отличие от Талмуда, этот галахический кодекс тщательно систематизирован. Он состоит из разделов, посвященных определенным темам, внутри которых в строгом логическом порядке расположены соответствующие законы. Однако причина талмудической «чересполосицы» заключается отнюдь не в редакторской неряшливости. Сплетение вопросов и тем, обсуждаемых в Талмуде, далеко не случайно. Оно отражает концепцию составителя, рава Аши, его взгляд на то, в какой форме Устная Тора должна передаваться из поколения в поколение.

На первый взгляд, Талмуд подводит итог всей Галахе, содержащейся в Устной Торе. Однако из талмудических дискуссий со всей очевидностью напрашивается вывод, что выработка галахического законодательства никак не была единственной целью мудрецов. Талмуд приводит мнения, послужившие основанием для той или иной Галахи, однако он никогда не ограничивается этим. Другие мнения, не получившие статуса закона, также представлены на его страницах. Это не позволяет Талмуду превратиться в собрание готовых выводов, в рупор безапелляционной галахической истины. Огромной ценностью обладают дискуссии, предшествовавшие принятию решения. Талмуд сохранил для грядущих поколений стихию живой, деятельной мысли, направленной на постижение Торы. Рав Аши не задавался целью создать всеобъемлющий галахический кодекс, включающий установленный набор тем и законодательных актов. Он стремился запечатлеть могучую стихию талмудической мысли в ее динамике, и добился своего. Вечно изменяющаяся творческая мысль, обращенная к Торе, продолжает свое течение на страницах завершённой полтора тысячелетия назад книги. Рав Аши не напоминает инженера, возводящего заранее спроектированный объект. Скорее он подобен художнику, пытающемуся вдохнуть жизнь в создаваемое произведение. Талмуд действительно подобен произведению искусства. Его авторам удалось добиться, казалось бы, невозможного. Рав Аши сохранил эластичную подвижность Устной Торы, ее дух, вопросы, не находящие ответа, вечную проблематичность поиска и решений. Он заключил живое, волнующееся море Устной Торы в неизменные берега Талмуда.

Для того, чтобы произведение не выглядело сборником случайных бесед, раву Аши пришлось поработать над формулировками и подвести итоги. Однако результатом его труда стали не категоричные галахические постановления, не истина в последней инстанции, а история идей, отражавшая живой процесс творческого поиска. Так были подытожены важнейшие талмудические дискуссии, развернувшиеся на протяжении трех с лишним столетий. Рав Аши резюмировал не только пути разрешения галахических проблем, актуальных для его современников. Он включил в круг обсуждения вопросы, занимавшие предшествующие поколения мудрецов. Не раз и не два рав Аши выстраивал целую систему посылок, которая так и не находила разрешения, ибо в его глазах первостепенной важностью обладало не решение проблемы, а сам поиск, вопрос, а порой даже ошибка. Раву Аши очень важно было запечатлеть динамику, приведшую к галахическому выводу, не позабыв проблемы и затруднения, преодоленные на этом пути.

Вторая задача, стоявшая перед равом Аши, заключалась в том, чтобы с максимальной точностью воспроизвести содержание множества преданий, высказываний и обсуждений, вошедших в

Талмуд. Требовалось проделать кропотливую редакторскую работу, уточнив порядок слов и фраз в тексте, определив последовательность приводимых имен, вникнув во многие нюансы, влияющие на выработку галахического законодательства.

Таким образом, трудность заключалась не только в сохранении внутри застывшей формы Талмуда живой динамики Устной Торы. Необходимо было также обеспечить этой подвижной, эластичной стихии известную меру точности. Следовало позаботиться о том, чтобы обсуждения, вопросы и ответы, на первый взгляд, не ведущие никуда, получили осмысление, которое позволило бы сделать из них выводы и в дальнейшем воспользоваться этими выводами. Кажущаяся небрежность Талмуда на деле явилась плодом огромных усилий педантичного редактора. В результате этих усилий Талмуд, сохранив свободу и естественность устной традиции, сумел донести до нас точный смысл высказываний и споров мудрецов древности.

1. Титан, 59А.

2. Сказал ему (Равине) рав Аши. «Почему господин стоит передо мной?» Ответил ему «Я ведь ученик, из старших учеников господина». (Эрувин, 63А).

3. Сказал Равина - «В первой версии рава Аши сказано «купил», а во второй версии рава Аши сказано: «поделят». Смотри также комментарий Раши к этому месту. Раши основывает все, сказанное нами выше, на респонсах рава ГайТаона. (Бава Батра, 137Б).

ПРИЛОЖЕНИЕ ГЛОССАРИЙ

Ав бет-дин (глава Судебной Коллегии). Занимавший эту должность был заместителем паси. Должность «глава Судебной Коллегии» получила свое название в связи с тем, что мудрец, занимавший ее, возглавлял заседания Судебной Коллегии в отсутствие наси. Позднее, после прекращения деятельности Сангедрина, это выражение стали понимать как «глава суда».

Агада (мн. число — агадот). Притчи и поучения мудрецов, легенды, иносказания и т.п.

Амораи (ед. число — амора). Мудрецы, жившие в период после завершения Мишны; их высказывания и логические построения посвящены анализу Мишны и основаны на мнениях школ танаев.

Барайта. Термин имеет два разных значения в зависимости от контекста. (1) Барайта — на вошедшая в Мишну часть Устной Торы, состоящая из Тосефты и Мидраш-Галаха; (2) барайта — краткий логически заверченный отрывок из Тосефты.

Бет-дин. Судебная коллегия.

Бет-мидраш. Дом учения.

Вавилонский Талмуд. Талмуд, составленный на территории Персии. Вавилонский Талмуд был собран и отредактирован рабби Аши и Равиной приблизительно в 400 г. н.э.

Великое восстание. Восстание против римлян, вспыхнувшее в 67 г. н.э. и приведшее к разрушению Второго Храма в 70 г. н.э.

Восстание Бар Кохбы. Восстание в Иудее против римского господства, возглавляемое Бар Кохбой. Восстание началось в 132 г. н.э. и было подавлено в 135 г. н.э.

Второй Храм. Отстроен в 4 веке до н.э. на месте Первого Храма изгнанниками, вернувшимися из Вавилонского плена; сожжен римлянами в 70 г. н.э.

Галилея. Гористая область на севере Эрец Исраэль.

Гаон (мн. число — геоним). Официальный титул глав пешие Суры и Пумбедиты в Вавилонии; с конца 6 и до середины 11 века (период гаонов) — высший галахический авторитет еврейского мира.

Галаха (мн. число — Галахот). Четко определенное после тщательного всестороннего анализа всех мнений предписание или запрет, относящиеся к конкретным действиям, поведению, мыслительной деятельности человека. Галахой называется также система еврейского религиозного и юридического законодательства.

Гемара. Другое название Талмуда. В более узком смысле — высказывания и логические построения мудрецов, посвященные анализу Мишны.

Даян. Судья.

Иерусалимский Талмуд. Талмуд, составленный в Эрец Исраэль. Иерусалимский Талмуд был собран и отредактирован рабби Йохананом и его учениками приблизительно в 350 г. н.э. Основой для него послужили галахические дискуссии, проходившие в йешивах Эрец Исраэль.

Иудея. Область на юге Эрец Исраэль.

Йеуш (отчаяние). Галахический термин, означающий утрату владельцем надежды на возврат

потерянной вещи.

Йеуш ше-ло ми-даат. Потенциальная потеря надежды на утраченное имущество, когда владелец еще не знает о пропаже.

Йешива. Талмудическая академия, цель которой — передача сложных и трудно систематизируемых знаний от учителя (Мудреца, Главы йешивы) ученикам.

Коген. Семейство из колена Леви, потомки Аарона, единственные, кому было дозволено законом Торы выполнение жертвоприношений в Храме.

Ктуба. Брачный договор, дающий жене право претендовать на получение указанной в нем суммы в случае развода или смерти мужа. В ктубе изложены также другие обязанности мужа перед женой.

Левит. Семейство из колена Леви. Левиты исполняли разнообразные обязанности по содержанию Храма, а также участвовали в храмовой службе в качестве певцов и музыкантов.

Мидраш. Комментарий к тексту Торы и Пророков, представляющий собой сборник высказываний мудрецов как в области закона (*Мидраш-Галаха* или галахический мидраш), так и в области морально-нравственных, мировоззренческих и исторических тем (*Мидраш-агада* или агадический мидраш). В последнем случае изложение иногда дается в форме аллегории. Высказывания второго типа часто рассматриваются как намек на скрытые аспекты Торы, понимание которых требует специальных знаний. Основная работа над записью мидрашей, которые фактически являются одним из элементов Устной Торы, велась в тот же период, когда подготавливалась к записи Мишна.

Мишна. Термин имеет два разных значения в зависимости от контекста: (1) Мишна — полный текст всех шести разделов собрания высказываний Мудрецов («Шесть разделов Мишны»); (2) мишна (мн. число — мишнайт) — краткий логически завершённый отрывок этого текста, воспринимаемый Гемарой как самостоятельная единица.

Наси. Наследственный титул Главы Сангедрина и всего еврейства Эрец Исраэль в эпоху, последовавшую за разрушением Храма. Пост наси был упразднен в 425 г. н.э.

Перушим. Законоучители эпохи Второго Храма. К концу этой эпохи движение перушим охватывало широкие народные массы. Перушим боролись за усиление влияния Устной Торы. Их противниками были саддукеи.

Письменная Тора. Письменная Тора включает Пятикнижие, Книги Пророков и Писания. В узком смысле — только Пятикнижие.

Рош га-Гола — дословно: глава изгнания. Руководитель еврейских общин в диаспоре в период гаонов.

Рош йешива. Глава йешивы и ее главный преподаватель.

Саддукеи. См. Цдоким.

Сангедрин. Главный судебный и законодательный орган еврейского народа в древности. Сангедрин был не только верховным судом, но центром национального и духовного руководства. В эпоху Второго Храма Сангедрин заседал в одном из помещений Храма, а впоследствии перемещался из города в город. Сангедрин просуществовал до 4 в. н.э.

Талмуд. Многотомный труд, в котором собраны галахические постановления, дискуссии и высказывания мудрецов нескольких поколений, исторические и биографические сведения и т.д. Талмуд представляет собой развернутый комментарий к Мишне и подобно ей состоит из шести тематических разделов. Талмуд был завершён приблизительно в 500 г. н.э.

Танаи (ед. ч. — тана). Законоучители периода создания Мишны (330 г. до н.э. — 242 г. н.э.).

Танах (аббревиатура слов Тора, Невиим, Ктувим — Пятикнижие, Пророки, Писания). Письменная Тора, состоящая из Пятикнижия, книг Пророков и Писаний.

Тверия. Город в Галилее, на берегу Тивериадского озера (Кинерет). В Т. во 2 в. н.э. находился Сангедрин.

Тосефта. Сборник не вошедших в Мишну изречений танаев.

Тора. Пятикнижие Моисеево, первые пять книг Танаха — Берешит (Бытие), Шемот (Исход), Ваикра (Левит), Бамидбар (Числа), Дварим (Второзаконие).

Устная Тора. Еврейская традиция, основы которой были получены на Синае. У.Т., представляющая собой главным образом развернутое толкование Письменной Торы, передавалась из поколения в поколение без записи вплоть до периода Мишны. Устная Тора состоит из следующих частей: Мишна, Вавилонский и Иерусалимский Талмуд, Тосефта, барайты, Галаха и Агада.

Цдоким (саддукеи). В эпоху Второго Храма — религиозно-политические оппоненты нерушим из

числа храмовой и светской аристократии. Саддукеи не признавали Устную Тору.

Эрец Исраэль. Страна Израиля.

Явне. Город на побережье Средиземного моря между Яффо и Ашдодом. После разрушения Второго Храма сюда переместился центр еврейской учености. Здесь же размещался Сангедрин.